

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

НИКИТА АВЕРИН
КРЫМ

FUTURE CORP.

Никита Аверин
Метро 2033: Крым
Серия «Метро»
Серия «Вселенная «Метро 2033»»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6300065

Аверин, Никита Владимирович Метро 2033: Крым : [роман] : АСТ;

Москва; 2013

ISBN 978-5-17-081533-3

Аннотация

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Вот так, бывало, едешь на верном коне (зеленом, восьминогом, всеядном) в сторону Джанкоя. Слева – плещется радиоактивное

Черное море, кишашее мутировавшей живностью, справа – фонящие развалины былых пансионатов и санаториев, над головой – нещадно палящее солнце да чайки хищные. Красота, одним словом! И видишь – металлический тросс, уходящий куда-то в морскую пучину. Человек нормальный проехал бы мимо. Но ты ж ненормальный, ты – Пошта из клана листонош. Ты приключений не ищешь – они тебя сами находят. Да и то сказать, чай, не на курорте. Тут, братец, все по-взрослому. Остров Крым...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	20
Интерлюдия	61
Глава 2	75
Глава 3	103
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Никита Аверин

Метро 2033: Крым

Пролог

К Золотой бухте экспедиция вышла к полудню, когда раскаленное крымское солнце повисло в зените белого будто выгоревшего неба. Дышать стало невозможно, пот лил градом, горячий воздух обдирал горло, и даже лошади, чудо-зверюги, сбавили темп. И тогда Штемпель объявил привал.

Сначала хотели переждать жару наверху обрыва, под соснами – но сосны те, чахлые, скукоженные, опаленные то ли Катаклизмом, то ли безжалостным крымским летом, тени почти не давали, и Пошта предложил спуститься к морю. Отсюда, с высоты красных, пышущих жаром скал, пронзительная синева моря манила прохладой. Бандеролька придиричиво осмотрела белые буруны волн в мощный натовский бинокль на предмет плавников гигантских катранов (вроде нету) и сиреневых медуз-убийц (тоже чисто), после чего Штемпель одобрил идею Пошты.

Спускаться по каменистой тропе, извивающейся между огромных валунов и осыпающейся под ногами мелкой галькой, было нелегко, но лошади справились. Еще бы им не

справиться, с восьмью-то ногами и шипастыми подковами на каждой!

Для привала выбрали более-менее ровную площадку, покрытую некрупной галькой, метрах в трех от линии прибоя – и, что особо важно, в тени гигантского ассиметричного валуна, напоминающего кельтский менгир.

«Витя и Ната были zde...» – читалась полустертая надпись на валуне.

– Знаки? – удивилась Бандеролька – стройная и высокая девушка с коротко подстриженными черными волосами. – А почему на суржике?

– Это не знаки, – усмехнулся в усы Штемпель, коренастый крепыш с седым ежиком на голове. – Это старое. Еще до Катаклизма. Туристы развлекались.

– Туристы... – повторил Пошта, спускаясь к воде и присаживаясь на корточки. Он сложил ладони лодочкой, зачерпнул воды и с наслаждением плеснул себе в лицо. Вода, конечно, фонила, но по сравнению с той дозой радиации, что они уже получили за время экспедиции, это было так – пустяки. Не будь Пошта листоношей, подышать бы ему сейчас от лучевой болезни, выблевывая внутренности. – Туристы, копать-колотить! Были ж времена...

Бандеролька, скинув рюкзак и химзащиту, отважно ступила в море в одном спектральном комбезе.

– Вода теплая, айда купаться! – задорно предложила она.

– Но-но, без глупостей! – одернул ее Штемпель. – Мы сю-

да не развлекаться пришли. Жару переждем – и дальше в путь. Нам бы до темноты в Бахче-Сарай добраться.

Пошта вернулся к лошадям, обтер их лоснящиеся от пота бока, покормил верного Одина сахарком, и тут над пляжем раздался протяжный вой:

– У-у-у-у-у-у!!! – выла оцепеневшая от ужаса Бандеролька, успевшая зайти в море по пояс.

Штемпель и Пошта синхронно рванули дробовики из седельных сумок и ломанулись к морю. Бандеролька, смешно задирая ноги бежала им навстречу, оскальзываясь на гальке.

– Что там? – отрывисто спросил Штемпель, прижав приклад к плечу и обшаривая взглядом поверхность моря, слепящую сотнями солнечных бликов. Пошта стоял рядом, готовый встретить то, что поднимется из моря, из обоих стволов ружья. А там – не просто картечь, а обрезки гвоздей, шарики от подшипника и (особый подарок) надрезанная картонная гильза. «Резаный патрон», старый охотничий трюк – при выстреле вперед летит полпатрона, а при попадании весь заряд уходит в тело, разрывая внутренности не хуже надрезанного крест-накрест «жакана».

– Ме-ме-медуза, – трясаясь от страха, выдавила Бандеролька. – Та-а-а-ам!

– Тьфу ты! – сплюнул раздосадованный Штемпель, разглядев среди сверкающих волн блеклую, похожую на тряпочку тушку. – Она ж дохлая уже!

– А все равно стра-а-ашно! – всхлипнула девушка.

Пошта убрал дробовик в заспинный чехол:

– Ну-ка, вылезай из воды. – Он протянул Бандерольке руку. – И перестань рюмсать. Ты же листоноша!

Он шагнул ей навстречу и зацепился мыском «берца» за тонкий, рыжий от ржавчины металлический тросик, убегающий в море. Пошта чертыхнулся, помог Бандерольке выйти из моря, а потом присмотрелся внимательнее к тросику. Тот – старый, с торчащими во все стороны полопавшимися стальными нитями (колючие, зар-раза!), обросший мхом и высохшими водорослями, крепился к мощному костылю, забитому аккурат под гигантский валун. Второй конец троса нырял в море.

– Это еще что? – удивился Штемпель.

– Трос, – сказал Пошта.

– Сам вижу, не слепой. Интересно, зачем?

Пошта осторожно подергал за тросик. Тот оказался натянут туго, как струна.

– Не знаю, – сказал Пошта. – Может, мина морская. А может, заначка чья-то. Схрон. Бросили капсулу в море, а у берега заякорили.

– Надо бы проверить, – принял решение Штемпель.

Менее всего на свете Поште хотелось лезть в море – гдедохлая медуза, там и живая может рядом плавать, а смерть от ее ожогов страшно далека от приятной – но Штемпель был в экспедиции главным, и Пошта пошел собираться.

Снял химзащиту, кольчужную поддевку, спектровское бе-

лье. Достал из рюкзака, притороченного к седлу Одина, гидрокостюм – двуслойный, семимиллиметровый, из армированного углепластиковой нитью неопрена, – маску, трубку, ласты. Маску Пошта нацепил на шею (только неопытный ныряльщик носит ее на лбу, может сорвать волной), ласты взял в одну руку, пояс с грузом в другую. Бандеролька помогла дотащить до берега остальную снарягу – острогу, нож, фонарь и старый-старый, обшарпанный Глок-17 с усиленной пружиной, пригодный для стрельбы под водой. Патронов, правда, к Глоку было всего два, а вместо нормальной кобуры мастеровитая Бандеролька сплела чехол из паракорда.

Обвесившись оружием и грузами, Пошта надел ласты, нагнул маску на лицо и задом, пятясь вошел в воду.

– Десять минут, – предупредил он перед тем, как закусить загубник. – Если не всплыву – сворачивайте лагерь.

Бултыхнулся, поплыл. Вода была чистая, прозрачная, звеняще-сияющая от радиации. По каменистому дну сновали крабы, мелкие, размером с ладонь. На Тарханкуте, говорят, мутировали – вырастают до метра в длину, клешней железный гарпун перекусывают, зато мясо необыкновенно вкусное и с легким наркотическим эффектом. Тут вроде обычные.

Рыб не было вовсе. Лишь качался у камушка крохотный морской конек.

Перебирая руками по тросу, Пошта удалялся от берега. Тросик пока шел параллельно поверхности воды, оно и

немудрено – мелководе, и Пошта дышал через snorkель. А потом прибрежная полоса обрывалась резко вниз – и тросик уводил в бездонную темноту.

Перед нырком Пошта как следует продышался, провентилировал легкие. Обычный человек может задержать дыхание минуты на полторы-две, практикующий йогу – на пять. Ли-стоноша легко мог обходиться без кислорода десять – пятнадцать минут, в зависимости от глубины погружения и интенсивности двигательной активности.

Ну, поехали!

Пошта резко погрузил голову, перевернулся вверх ногами и заработал ластами, спускаясь по тросу. Где-то на семи метрах, судя по давлению в ушах, пришлось включить фонарь – много было ила, мути, тончайшей пыльной взвеси. Видимо, подводное течение разворошило песчаное дно. Это было опасно – где течение, там можно поймать термоклин, резкий перепад температур, от которого судорога хватает мышцы и может остановиться сердце. В Черном море на такую подляну нарваться сложно, но можно.

На всякий случай Пошта замедлил сердцебиение до сорока ударов в минуту. Тросик вел в глубину. В луче фонаря все казалось призрачным, нарисованным. Каждые десять метров глубины убирают один цвет из спектра: сначала – красный, потом оранжевый, потом желтый. Когда полосы на рукаве гидрокостюма, обычно желтые, стали зеленоватыми, Пошта понял, что ушел уже на тридцать метров под воду.

Глубоко же они схрон заныкали, копать-колотить!

Что-то мелькнуло в луче фонаря. Большое, длинное, темное. Акула? Да, точно! Катран-мутант. Когда-то безобидная черноморская рыбина после Катаклизма превратилась в опасного хищника, обросшего пластинчатой шкурой, которую не брала острога. А тратить драгоценные патроны на эту тварь Поште было жаль.

Был один фокус в обращении с акулами, которому листоношу научили дайверы под Алуштой. Никогда он его не пробовал, но сейчас, похоже, было пора.

Акула напала снизу, стремительно вильнув могучим хвостом. Оскаленная зубастая пасть возникла из мутной тьмы прямо перед Поштой. Листоноша резко выдохнул, сбрасывая воздух из легких и тем самым понижая свою плавучесть, и катран прошел в миллиметре над его головой.

Пошта ухватил рыбину за плавник и потянул, переворачивая акулу кверху брюхом. Как рассказывали дайверы, перевернутая акула теряет ориентацию в пространстве и впадает в кататонию.

Сработало! Только что грозный хищник превратился в беспомощную тушу. Велик был соблазн вспороть бледное брюхо ножом, но на запах крови могли приплыть ее сородичи – или кое-кто похуже. Пошта оставил дрейфовать обалдевшего катрана и покрутился на месте, отыскивая утерянный тросик.

Ага, вот и он! Трюк с выдохом стоил ему трети запасов

кислорода, и сократил время пребывания под водой минут до пяти. А ему еще всплывать! Где же этот схрон?

Но схрон оказался вовсе не заначкой мародеров и не миной вояк, а длинным белым ящиком с шарообразной камерой на одном конце и люком – на другом.

Обалдеть можно! Батискаф!

Явно с катера сбросили, вот тут он упал, а потом вон тем валуном его и придавило. Если валун откинуть, батискаф можно будет вытянуть, лошади справятся – они хоть и не тягловые животные, а мощи им не занимать.

На последних капельках кислорода Пошта управился со зловредным валуном, используя острогу как рычаг, и поспешил к поверхности.

* * *

Тащить батискаф оказалось тяжелее, чем предполагал Пошта. Все три лошади во главе с могучим Одним вспотели, белая пена выступила на их лоснящихся зеленоватых боках, а двадцать четыре ноги – по восемь на лошадь – высекали коваными шипастыми подковами искры из галечника.

Листоноши, надев защитные перчатки, тоже взялись за трос и, спустя где-то минут двадцать, совместными усилиями вытащили батискаф на берег, и то не до конца, только шарообразную его часть.

Батискаф на поверхности выглядел совсем не таким бе-

лым и чистым, как на глубине. Нет, когда-то он был выкрашен в белый цвет – но безжалостная буксировка по каменистому дну ободрала краску длинными извилистыми царапинами, отчего батискаф приобрел окрас скорее тигровый: под краской проглядывала рыжая ржавчина. Ржавая же короста изъела замок круглого вентиля, открывающего единственный люк батискафа.

– Однако, – проворчал Штемпель, стряхивая водоросли с вентиля. – Не взорвется?

– Не должно, – пожал плечами Пошта. – До сих пор же не жажнуло!

– А вдруг там растяжка?

– Так она на открытие люка должна сработать, а не на поворот ручки. Толку-то внутри взрываться?

– Смотря что там внутри... – туманно ответил Штемпель. – Может, документы, подлежащие уничтожению?

Пошта мимо воли хмыкнул. На тайные схроны с документами листоноши нарывались с пугающей регулярностью. Такое впечатление, что накануне Катаклизма – когда всем стало понятно, что катастрофы не избежать, и к ней надо готовиться – самые умные запасали оружие, продовольствие и боеприпасы, а самые бюрократически мыслящие, то бишь военные, силовики и политики – срочно ныкали по тайникам документы с грифом «Секретно», «Совершенно секретно», «Ультра» и «После прочтения сжечь». Пошта когда-то, еще в Симфере, полистал такую папочку полусгнивших бумажек

с планами всемирной войны на уничтожение и понял, почему вояки это делали – боялись, что их во всем обвинят.

Как будто остались те, кто сможет обвинить...

Все-таки братство листонош подготовилось к Катаклизму лучше всех. Не стало запасать кусочки старого мира (банки с тушенкой и цинки с патронами), а начало готовиться к миру новому, вернее, обновленному. И начало с самого главного – с людей.

– Нет, – сказала Бандеролька, приложив ладони к батискафу. – Бомбы там нет. Там... Там что-то живое. Но еле-еле.

– Живое? – хором поразились Штемпель и Пошта. – Ну и ну!

Пошта приготовил дробовик, а Штемпель приналег на вентиль. Замок заскрипел, посыпалась ржавчина – и с протяжным стоном отворился люк.

Из батискафа пахнуло смрадом выгребной ямы. Бандеролька закашлялась и едва не сбилась. Даже бывалый Штемпель побледнел. А Пошта, подняв подводный свой фонарик, посветил в сумрачное нутро батискафа.

Там лежал... да, пожалуй, человек. Или макет человека в масштабе один к десяти, не считая роста. Скелет, обтянутый серой дряблой кожей. Торчащие ключицы, выпирающие ребра. Череп с жиденькой, точно водоросли, растительностью. Огромные, закрытые веками, но все равно навывах, как у ящерицы, глаза. Тонкие, плотно сомкнутые губы. Впалые щеки. Трупак трупак. Но – дышит! Вон, грудная

клетка вздымается.

– О-фи-геть, – сказал Штемпель. – Такого я еще не видел. Сколько ж он там пролежал? И почему не сдох? Мутант, что ли?

– Не-а, – покачал головой Пошта. – Не мутант. Вон, гляди!

Он показал на мерцающий огонек в глубине батискафа. Армейская система жизнеобеспечения АСЖ-97. Стандартный модуль, обычно устанавливаемый в космические скафандры. Коробочка со всем необходимым, чтобы не дать сдохнуть человеку на протяжении достаточно долгого времени. От коробочки бежали трубки – капельницы в вену, катетеры для диализа – в почки, еще какая-то мишура.

– А дышал-то он чем? – спросила зеленватая от вони Бандеролька.

– Ребризер, наверное, – предположил Пошта. – Порошковые смеси для выработки кислорода. Система замкнутого цикла.

– Кто ж его тут запер-то? Кому он так насолил?

Полутруп из батискафа дернулся и издал какой-то звук. От неожиданности все трое листонош вздрогнули, а Пошта едва не пальнул из дробовика.

Мумия вполне отчетливо всхрипнула, потом застонала, после чего попыталась открыть глаза. Это было ошибкой без-пяти-минут-покойника: от солнечного света он отвык. Поште даже представлять себе было больно, как резануло по глазам обитателя батискафа крымское солнце.

Узник батискафа попытался закричать, но сорванные давным-давно и так и не восстановившиеся голосовые связки издали лишь жалкий хриплый визг, от которого у Пошты мороз пошел по коже, а Бандеролька отпрыгнула на метр и вскинула перед собой нож.

Один лишь Штемпель остался невозмутим.

– Гляди-ка, – сказал он, – а его еще и привязали... Ты кто будешь, арестант?

Узник перестал визжать, покрутил головой, прислушиваясь, и шепотом спросил:

– Кто здесь?

– Я – Штемпель из клана листонош. А ты кто такой, откуда будешь и как угодил в этот ящик?

– Я... я из Балаклавы... Из штольни...

Трое листонош изумленно переглянулись. По последним данным, выживших в Балаклаве не было. И ни про какую «штольню» никто никогда не слышал.

– Что еще за штольня? – осторожно наклонившись к полутруп, спросил Штемпель.

– Штольня... – прохрипел тот. – Страшное место... Не ходите... туда... Не вернетесь!

На последнем выкрике он у него изо рта пошла пена.

– Тише, тише, – успокаивал его Штемпель. – Кто там живет? Большая община? Сколько человек?

– Человек... Нет там людей... Одни морлоки! Меня! В ящик! Твари!

У арестанта, очевидно, начинался припадок. Свежий воздух и солнечный свет не пошли ему на пользу: тощее тело начинало трясти в судорогах, конечности дергались, иголки капельниц повывлетали.

– За что тебя туда? – спросила Бандеролька сочувственно.

– Я! Ни в чем! Не виноват! – одним дыханием, почти без звука, проорал узник.

Он опять открыл глаза, но зрачки закатились, обнажив красные, с багровыми прожилками белки. Пена запузырилась в уголках рта, тело начало неконтролируемо дрожать.

– Пристрелить бы его, – брезгливо отодвинулся Штемпель. – Все равно не жилец. Но жалко тратить пулю.

– Можно острогой, – хмуро предложил Пошта. – Но лучше откачать. Мы же ничего не знаем про балаклавскую общину. Морлоки какие-то!

– Да как мы его откачаем?! – вскинулся Штемпель, бесильно наблюдая за припадком арестанта. – Наши лекарства ему не помогут, они только для листонош. Он уже радиации столько хапнул, что будь он здоров, – через день-другой ласты бы склеил. А в его состоянии... – Штемпель махнул рукой.

Несчастный узник выгнулся дугой – насколько позволял ремни, удерживающие его за руки и ноги – издал протяжный всхлип, захрипел, мелко-мелко затрясся – и испустил последний вздох.

– Все, – констатировал Пошта. – Умер.

– Царствие ему небесное, – сказал Штемпель. – Или удачной реинкарнации, уж не знаю, во что он верил.

– А если был атеистом? – спросила Бандеролька.

– Этим проще всего. Был, был – и нет тебя. Корми червей.

– Хоронить будем? – уточнил Пошта.

– Зачем? Стемнеет, крабы набегут – к утру от него и скелета не останется. Жалко время терять. Нам ехать пора, вроде жара спала уже.

Пошта удивился:

– Как это – ехать?

– Обыкновенно, на лошадях. Нам в Бахче-Сарай, помнишь?

– Э, нет, – сказал молодой листоноша. – Тут новые сведения об общине в Балаклаве, какая-то штольня непонятная, а мы вот так просто возьмем и уедем? Мы же листоноши! Мы должны искать выживших! Копать-колотить, это то, что мы есть!

Штемпель огладил усы, хмыкнул снисходительно:

– Молодой ты еще, Пошта. Глупый. Вернемся в Бахче-Сарай – снарядим экспедицию в Балаклаву, проверим все.

– А вдруг они вымрут к тому времени?! Там же морлоки эти странные, вдруг они людей перебьют?!

– Значит, такая у них судьба.

Бандеролька ногой пнула люк батискафа – тот захлопнулся, отрезая источник вони, – и обхватила себя руками.

– Я тоже не хочу в Балаклаву, – заявила она. – Не знаю, что

там за община, но вот так вот человека заживо похоронить... Это какой же сволочью надо быть! Ведь специально ему – и ребризер, и систему жизнеобеспечения поставили, чтобы дольше мучился.

– Ну, – рассудил Штемпель, – мы же не знаем, за что его так. Вдруг – заслуженно. Но в одном ты, девочка, права: те, что в Балаклаве, шутить не будут. Крутой народец, если так со своими обращаются. А что они с чужаками делать будут – один дьявол знает. Озверели люди после Катаклизма, тебе ли, Пошта, этого не знать!

Аргументы были логичными и связными, и причин продолжать спор Пошта не находил – но согласиться не мог. Что-то толкало его в Балаклаву. Интуиция. Чутье листоноши.

– Ясно-понятно, – пробормотал он. – Только я в Бахче-Сарай не поеду. Вы езжайте. А я штольню разведаяю – и вас нагоню.

Глава 1

Перфокарта

То, что в городе есть выжившие, Пошта понял сразу.

Были приметы, которые человек, только что вышедший на поверхность, никогда не заметит. Потому что нет у подземной крысы навыков следопыта. Откуда рожденному в бункере знать, что вот эта аккуратная кучка мусора, состоящая из обгоревших упаковок сухого пайка, является отличительной чертой лагеря сталкеров, переживавших опасность на крыше здания? Или взять хотя бы угольные метки на стенах, которые Пошта впервые увидел еще на въезде в Балаклаву: череп с костями, крест, три треугольника и круг. Отметки были оставлены относительно недавно – год, максимум два назад. А это означало, что в городе или рядом с ним есть колония уцелевших, и они уже достаточно осмелели, чтобы организовывать экспедиции на поверхность. Оставалось только найти их убежище.

Пошта аккуратно перегнулся через парапет проверить, как обстоят дела у Одина. Конь, вольно пасущийся рядом с входом в подъезд, словно почувствовал взгляд хозяина, всхрапнул и помотал головой: «Все спокойно, никого поблизости нет!». Привязывать или, тем более стреноживать скакуна Пошта не стал, ведь неизвестно, какие твари прячут-

ся в домах этого милого городка. Случись что, Один вполне мог постоять за себя, а в крайнем случае дать деру. Потерять коня листоноша не боялся, потому что верный восьминогий друг уже не раз находил своего хозяина даже после нескольких дней разлуки.

– Копать-колотить, – Пошта вернулся к изучению города при помощи армейского бинокля. Оптика была хорошая, еще из запасов НАТОвской базы, на которую наткнулась в прошлом году банда атамана Миколы. Заполучить у лиходеев бинокль получилось относительно просто; Пошта был даже рад тому, что в обмен на него удалось избавиться от кучи ненужного барахла навроде стопки порножурналов и консервов с просроченным салом.

Но даже через хваленую европейскую штуковину он не мог засечь на городских улицах ни единого движения. Ни людей, ни мутантов. Только на развалинах древней крепости, венчавшей горный утес, мельтешили огромные птицы, потомки обычных чаек. Вода в бухте была спокойная, гладкая. А что творилось на море, отсюда разглядеть нельзя было – его закрывали скалы.

У Пошты забурлило в животе, и он решил слегка перекусить. Листоноша, как и его конь, был всеядным. Конечно, разумное существо предпочтет что-нибудь вкусное, но за неимением такового, можно и подножным кормом перебиться.

Пошта вытащил и размотал леску, соорудив нехитрую

приманку: клочок шерсти, вымазанный кровью, на крючке. Почти рыбалка получается. Листоноша спустился на первый этаж дома и опустил через дыру в полу «снасть» в подвал, где шебуршились (он чуял) крысы.

Пятнистые зверьки осторожно кружили вокруг приманки. Листоноша, неотрывно следящий за суетой внизу, надеялся поймать одного из этих зверьков. Крючок и леска были надежные, проверенные в деле не один раз. Такой нехитрой снастью можно было поднять тушку в пять килограммов. Хотя представители местной популяции явно не дотягивали по габаритам до своих родственников, джанкойских щурів, на которых привык охотиться Пошта.

Наконец самый упитанный самец осмелился приблизиться к наживке. Он внимательно принялся к меху, пригнулся и явно изготавился к прыжку, намериваясь сцапать мясо и бежать прочь. Пошта аккуратно сглотнул набежавшую голодную слюну, предвкушая сочный ужин. И тут его грандиозные планы на вечер нарушил звук выстрела! Естественно, пятнистые грызуны прыснули в разные стороны, пища и прячась поглубже в свои норы. Матерясь, листоноша быстро смотал леску на кулак и прильнул к оконному проему. Как он и думал, местные жители наконец-то высунулись на поверхность. И, судя по всему, сегодняшний рейд складывался для них весьма неудачно.

Раздалось еще несколько одиночных выстрелов. Судя по звуку, палили из дробовика. Затем последовала длинная ав-

томатная очередь, захлебнувшаяся так же неожиданно, как и началась.

– Копать-колотить, патронов не бережем, – Пошта аккуратно, чтобы не пораниться об остатки оконного стекла, забрался на подоконник. Держась для страховки одной рукой за бетонный край, второй он поднес к глазам бинокль и стал выискивать фигуры сталкеров. Поиски осложнял тот факт, что надвигался вечер, а в этих широтах темнело стремительно, так что через полчаса разглядеть что-либо будет возможно только с прибором ночного видения. А его у Пошты, увы, не было. Но ему улыбнулась удача: он наконец-то смог засечь аборигенов.

По набережной, на противоположной от Пошты части бухты, бежали трое. Точнее, двое несли под руки третьего. Через каждый десяток шагов один из них, не глядя, поливал свинцом асфальт позади себя. Причину столь безумного расточительства боеприпасов Пошта разглядел не сразу, но от увиденного волосы на затылке у него встали дыбом.

Огромные улитки, каждая величиной с легковой автомобиль, стремительно нагоняли сталкеров. И, судя по реакции беглецов, встреча с этими бронированными слизняками была последней, чего бы они желали в этой жизни.

«Думаешь, это хорошая идея? – тихий, но очень неприятный голос рассудка отвлек Пошту от разворачивающейся на его глазах трагедии. – Может, стоит подождать, чем закончится эта заварушка?»

– Если я им не помогу, эти бронированные слизи им явно бо-бо сделают. А мне нужны живые люди. – Пошта поморщился и почесал прикрытый банданой лоб.

«С чего ты взял, что их только трое? Может, это такая местная охота? Небольшая группа заманивает вкусных слизней в ловушку, а там их ждет десятка два крупнокалиберных стволов или яма с заточенными кольями!»

– Да не похоже, чтобы это была охота. Точнее, в роли дичи здесь точно люди. Видишь, тот, которого они тащат? У него явно нога порвана до кости. И одеты они в костюмы, предназначенные для многодневной вылазки на поверхность: толстая резина, армированные жилеты, рюкзаки. В таком прикиде быстро не побегаешь.

«Ну, как знаешь! Я тебя предупредил...»

Пошта слез с окна и нервно закусил губы. С одной стороны, ему необходимо поговорить с этими людьми и узнать, где находится вход в колонию. С другой, если при виде улиток они задали такого стрекоча, то оказаться рядом с ними в этот момент – не самая хорошая идея. И, к тому же, вдруг эти трое – последние выжившие в городе, и с их смертью можно будет смело поставить большой жирный крест на карте, означающий, что людей здесь больше нет.

Постояв еще несколько мгновений, Пошта сердито плюнул в дыру в полу, убрал леску с крючком в «сидор» и стремительно выбежал из квартиры. Пока он кошачьей походкой скользил по ступеням лестницы вниз, в животе его громко

заурчало.

– Надеюсь, у этих ребят найдутся приличные харчи! – сказал он, выбегая из подъезда. Верный конь, который тоже слышал выстрелы, уже ждал хозяина, нетерпеливо постукивая копытами. Пошта с разбегу запрыгнул в седло и легонько ударил пятками по бокам скакуна, – Поехали, Один!

* * *

Если измерять расстояние по прямой, то от одного берега бухты до другого было не больше ста метров. Но сунуться в свинцовые воды было бы сущим самоубийством. Ведь море порождало поистине хтонических тварей, которым степные и горные мутанты даже в подметки не годились. Так что добраться до сталкеров можно было только в объезд, сделав приличный крюк по набережной.

Пошта направил лошадь в широкий проем некогда массивного, а теперь основательно изъеденного временем и радиоактивными осадками забора. Из-под сдвоенных копыт в воздух взвились труха и пожухлые листья.

«Главное в такой свистопляске – не угодить в яму или в пасть голодной зверюшки! – промелькнула запоздалая мысль в голове листоноши, пока он лихорадочно высматривал дорогу. – Что же, винить в сложившейся ситуации кроме себя некого... Поленился вчера разведать окрестности, так что не стони и делай свое дело!»

По сторонам мелькали кусты, то и дело на пути возникали огромные кучи мусора, но Один всякий раз успевал огибать препятствия. На полном скаку Пошта умудрился намотать поводья на луку седла и достать дробовик из заплечной кобуры. Еще несколько десятков метров, и он будет на месте.

Раздался крик отчаянья и боли. Значит, улитки все же нагнали беглецов.

– Быстрее! – Пошта подгонял скакуна голосом. Ответив на призыв хозяина, Один перешел на бешеный галоп, и уже буквально летел над землей. Наконец, они с треском проломилась сквозь кустарник и оказались на набережной. Сталкеры и их преследователи уже были в пределах видимости, но еще слишком далеко, чтобы открывать прицельный огонь. Так что все, что сейчас оставалось, – это гнать во весь опор и надеяться, что аборигены смогут продержаться еще пару минут.

А дела у сталкеров были плохи. От их раненного товарища осталась лишь рука, скребущая по асфальту. Все остальное было скрыто улиткой, навалившейся на него всем телом, по которому волнами проходили судороги. Природу этих спазмов на студенистом теле угадать было несложно – монстр приступил к трапезе. Два оставшихся сталкера неслись к железобетонному навесу, нависшему над странным входом в пещеру, и у них на хвосте висело с десятков улиток.

– Копать-колотить, не успеют! – в отчаянье Пошта решил пальнуть из дробовика в ближайшую, занятую обедом, улит-

ку – может быть, это отвлечет ее товарок. Но стоило прицелиться в перламутровый панцирь монстра, как тот взорвался на тысячу осколков, а в небо взмыл огненный шар! – Что за черт!

От неожиданности Один резко остановился, чуть не выбросив хозяина из седла. Улитки тоже замерли, озадаченно водя и покачивая усиками с глазами в разные стороны. Осознав наконец, что источник страшного шума позади них, моллюски стали шустро разворачиваться. Двадцать пар студенистых глаз, каждое величиной с апельсин, уставились на тлеющие останки их собрата. И на Всадника, ошарашенного подобным оборотом событий.

– Здравсте, – приветливо улыбнулся им Пошта. В ответ монстры, как по команде, двинулись в его сторону, – Что, так сразу? А поговорить?

Сообразив, что обычным дробовиком тут делу не поможешь, Пошта убрал оружие, нашарил в подсумке толстопую рукоять ракетницы и, практически не целясь, выстрелил огненным зарядом в ближайшую тварь. Шипящая и искрящаяся ракета со звонким шлепком вошла в тело монстра в том месте, где, по мнению Пошты, у него должна была располагаться голова. Улитка, не издав ни единого звука, встала как вкопанная и больше не пошевелилась. Однако осталось еще девять ее сородичей, для которых всадник стал самой желанной добычей.

Монстры стремительно приближались. Они выстроились

в линию по всей ширине набережной, огибая на ходу трупы сородичей и брошенные автомобили.

Недолго думая, Пошта помчался им навстречу, на ходу перезаряжая ракетницу. Как бы ни были быстры эти создания, его конь двигался намного быстрее. Выбрав наиболее удачный момент, когда одна из улиток начала огибать застывшую на ее пути «Таврию», Пошта выстрелил, целясь в голову. К сожалению, ракетница – это не самое удобное и предсказуемое оружие. Снаряд прошел по касательной, чиркнув по панцирю монстра. Но, к счастью для всадника, этого вполне хватило, чтобы улитка испуганно втянула голову и туловище в «домик», и он смог без проблем проскакать мимо нее.

Остальные монстры прошли еще несколько метров, прежде чем осознали, что добыча смогла прорваться сквозь их строй. Но пока они разворачивались, Пошта верхом на Одине уже ловко скакал вверх по горе, на тот навес, на котором притаились выжившие сталкеры.

– Не стреляйте! Свои! – Пошта остановил Одина и миролюбиво поднял руки, демонстрируя, что он не вооружен. Аборигены недоверчиво и даже со страхом в глазах смотрели на неожиданного гостя. У одного из них в руках был АК-47, у другого дробовик, похожий на тот, что висел у Пошты в перевязи за спиной. И оба ствола были направлены на всадника. Привычный к подобному обращению Пошта старался не нервировать местных сталкеров. Улыбнувшись как мож-

но искреннее, он поинтересовался:

– А эти капустные вредители к нам не залезут?

Повисло напряженное молчание. Воспользовавшись им, Пошта наконец-то смог вблизи рассмотреть представителей местного населения. Костюмы на них были хорошие, военные, сделанные незадолго до Катаклизма, но пользовались ими явно давно: кое-где видны заплаты и потертости. А вот чем они промышляют на поверхности – пока неясно. Традиционных рюкзаков с хабаром не видать, хотя они могли их и бросить при вынужденном бегстве.

– Они по горам не могут ползать, слава богу, – ответил наконец один из сталкеров. Судя по голосу, глубокий старик, но бегает так, что многим молодым даст фору, – Если бы ползали, то давным-давно по всему Крыму расползлись. А так дальше долины не могут.

«А вот это уже интересно, – отметил про себя Пошта. – Ребята знают географию, значит, в колонии остались люди, жившие до Катаклизма. Тогда не должно быть особых проблем, как с колонией в тридцать восьмом бункере».

Воспоминания были не самые приятные. В тот раз он наткнулся на поселение, состоявшее сплошь из детей и подростков не старше двадцати лет. Что стало с взрослыми – он так и не выяснил. А детишки за эти десятилетия жизни без надлежащего воспитания и опыта предыдущих поколений превратились в общину каннибалов-язычников. Пошта только чудом смог сбежать из этого проклятого места, и с

большим наслаждением отметил его на карте жирным крестом, что означало «Выживших нет!»

– Ясно-понятно! – Пошта спешил и ласково погладил Одина по мощной шее. Сталкеры настороженно продолжали наблюдать, но стрелять в незнакомца пока не спешили. – А я вот, знаете ли, по горам сюда и шел. Видимо, провидение и спасло меня от встречи с этими милашками. Кстати, а откуда они взялись?

– Это виноградные улитки. От радиации их как на дрожжах разнесло. Но траву теперь не едят, наши умники решили, что белка от зелени таким тушам маловато. И улитки эти тепереча мясо жрут. Всю долину подчистую вылизали. Окромя их, нас и поморников никого не осталось. Умники говорят, что через годик-другой улитки друг друга жрать начнут.

– А если не начнут? – поинтересовался Пошта, усаживаясь на нагретый солнцем бетон навеса. – Что если они, по теории эволюции, отрастят себе ноги или еще какие-нибудь приспособления, и смогут забираться на горные склоны?

– Может и так случиться, – Поште показалось, что под стеклом шлема сталкера с дробовиком мелькнула улыбка, – но приятнее думать, что эти слизняки сами себя схарчуют.

– Приятно, не спорю, – согласно кивнул Пошта. – Только я вот одного не пойму: с чего это вдруг та тварь, что вашего товарища поймала, прям взорвалась от радости?

Повисла еще одна тяжелая пауза, из чего Пошта сделал

еще один вывод – к погибшему сталкеры испытывали большую симпатию, и его смерть для них явно была трагедией.

– Семецкий, кхм... – наконец подал голос доселе молчавший абориген, судя по всему, совсем еще мальчишка. – Он ее последней гранатой подорвал. Они на нас неожиданно напали, мы в обычный рейд вышли, разведать обстановку в городе. Остановились у родника воды набрать. Родник хороший, не «фонит», скважина на большой глубине залегает. Тут Юра шорох подозрительный в кустах услышал, пошел проверить... А через секунду он уже орет – ему улитка в ногу вцепилась...

– У них хоть и тело что твой холодец, но зубы имеются, – перебил его старший сталкер, – А еще дрянь какую-то выделяют, навроде парализующего яда. Хоть капля этого яда тебе на кожу попадет – через десять минут зови гробовщика мерки снимать...

– Копать-колотить, – грустно потупил взор Пошта. – Хороший мужик, значит, был ваш Семецкий.

– Семецкий-то наш! А вот ты чьих будешь? – наконец-то аборигены отошли от безумной погони и приступили к допросу невесть откуда взявшегося незнакомца. – Только не говори, что местный, я всех жителей Штольни в лицо знаю. И что это за чудище такое, на котором ты едешь?

– Кто чудище? – натурально удивился Пошта. – Один что ли? Да нормальный конь!

– Хлопчик, где же это ты видел, чтобы конь о восьми ногах

был, да еще и зеленой масти? – захохотал старший сталкер. Его товарищ недоуменно переводил взгляд то на него, то на предмет обсуждения.

– Как где? В степи казаки еще и не на таких ездят, – пожал плечами Пошта. Услышав его слова, старик резко перестал смеяться.

– В степи? Казаки ездят? Да ты откуда, бес, взялся?

– Я? Из Джанкоя.

* * *

За разговорами прошло немало времени, солнце успело превратить тени сталкеров из карликов в великанов. Аборигены поведали Поште о том, что поселение выживших в городе действительно существует. Несколько сотен человек успело найти спасение в штольне – секретном военном объекте времен холодной войны, который был построен почти сотню лет назад. Штольня представляла собой сооружение противоатомной защиты, специально созданное для подобных ситуаций. Советское правительство выбрало удобную бухту для размещения подземной базы подводных лодок. На левом берегу бухты величественно возвышалась Генуэзская крепость, чьи камни истончались морскими ветрами более трех тысяч лет. Напротив нее и был обустроен секретный объект под кодовым названием «Объект 825ГТС».

Объект был огромный, его подземный водный канал тя-

нулся через всю гору, и оба выхода были искусно замаскированы различными приспособлениями и сетями. Они перекрывались батопортами, вес которых достигал полутора сотен тонн. Но пользовались обитатели штольни только южным входом со стороны бухты – путь в открытое море для них нынче был не только не актуален, но и опасен. Многие из тех, кто нес вахту у северного выхода, слышали ночную порой, как кто-то царапает и колотит массивную дверь батопорта.

– Повезло вам с этой штольней, – Пошта извлек из под-сумка свежие фильтры для противогаза. Замена отработанных была чистой показухой для местных – он давно уже мог дышать зараженным воздухом крымских просторов без всяких последствий для здоровья. Глядя на его манипуляции, сталкеры торопливо засобирались. Запас кислорода у них тоже был на исходе, а сменные фильтры в этих краях – дефицит. – А как спрятаться успели?

– Вояки выручили. До Катаклизма штольню сперва местный народец потихоньку разбирали на цветной металл. Затем государство решило здесь музей сделать, отремонтировало и восстановило объект в былой красе, – старший из сталкеров, который назвался Чернецом, внимательно изучал площадку под навесом, на котором они укрывались от улиток. – А стоило им только порядок навести, как военные решили объект обратно забрать и по его прямому назначению использовать. Но только подлодки там больше не ремонтировали, совре-

менные посудины оказались слишком большие. Вот и сделали там базу на случай нападения вероятного противника с моря.

– Какого вероятного противника? – удивился Пошта. – Мы же тогда ни с кем не воевали!

– Главное было бы что защищать, а противник всегда найдется! – подал голос Слимак, младший сталкер. Чернец согласно кивнул и подал рукой знак, что внизу все чисто. Люди выстроились в цепочку и стали аккуратно спускаться.

– А дальше что было? – продолжил расспросы Пошта. Он шел расслабленно, зная, что опасности поблизости нет. Иначе верный Один не стоял бы совершенно спокойно, пощипывая жухлую травку. Пошта только отметил, что и радиоактивный фон здесь в пределах нормы, раз конь отважился грызть местную флору.

– Дальше? Да все просто и даже буднично. Обычный день, солнце, море, туристы... И тут солдаты с матросами засуетились. Несколько кораблей военных вдруг из бухты в море сорвались, военные своих домочадцев по городу собирали и в штольню уводили. И только часа через два сирену включили. Многие даже не поняли, в чем дело, – люди же на отдых приехали и предпочитали не обращать внимания на причуды местного населения. А кто посмекалистей, в штольню побежал. И я с сыном в том числе... – Чернец кивнул в сторону Слимака и замолчал на несколько минут, погрузившись в омут тяжелых воспоминаний. В это время они уже оказа-

лись на площадке под навесом. Прямо перед ними, укрывшись в глубокой нише, располагались огромные многослойные створки батопорта, охраняющие вход в штольню.

Что стало с теми, кто остался по другую сторону спасительных стен Объекта, Пошта выяснять не стал. Он уже слышал десятки подобных историй: отчаянный стук в гермодвери, приглушенные крики, мольбы о спасении и яростные проклятия. А потом тишина. Ему было интересно совсем другое – что стало с выжившими?

Пошта заглянул под навес, проведать, как дела у улиток. Те и не думали никуда уходить, деловито ползали вдоль границы подъема. Одна из тварей решилась было попробовать подняться вверх, но движение вверх ей явно давалось с большим трудом. Преодолев за пару минут чуть меньше метра, улитка дала задний ход.

Ее товарки, не теряя времени даром на бесполезные попытки забраться на гору, уже доедали погибшую особь. Это было не самое приятное зрелище, и Пошта поспешно отвернулся.

– Ну что, хлопцы, как будем через них прорываться? – поинтересовался он у аборигенов. – Лично у меня боезапас небольшой, на всех этих милашек точно не хватит.

– А нам и не нужно пули на них тратить, – старик встал и указал рукой на вершину горы. – Видишь, вон тропка петляет? Это кратчайший путь на противоположный склон, а там второй вход в штольню.

– Ясно-понятно, – покивал Пошта, и только спустя несколько мгновений понял смысл сказанного. – Эй, подожди! Ничего не ясно! Ты же говорил, что там выход в море, и он заварен. Да и к тому же отвесный склон, и высота в несколько десятков метров!

Аборигены переглянулись и мелко затряслись. Хотя противогазы глушили их голоса, но даже сквозь плотную резину было слышно, что они просто умирают от смеха. Отсмеявшись вдоволь, младший сталкер примирительно поднял руки:

– Прости нас, просто мы тут совсем одичали, развлечений нет, вот и ржем, как обкуренные, над всякой ерундой. Гермоворота действительно заварены, и высота там приличная. Но проникнуть в штольню все же можно. – Только коня твоего не удастся с собой взять, так что...

– Ничего страшного, – улыбнулся Пошта. – Он у меня мальчик самостоятельный, сможет о себе позаботиться. Так что показывайте, где там ваш черный вход...

* * *

Парня звали Зубочисткой, и с первого взгляда было понятно, за что – длиннющий, худющий, весь какой-то изломанный, гнущийся в суставах, с выпирающими коленками и локтями – он и вправду напоминал пожеванную и выплюнутую зубочистку. В довершение образа он еще и постоян-

но что-то держал в зубах – то палочку, то авторучку, то карандаш. Зубы его, редкие, желтые, кривоватые заслуживали отдельного упоминания – вкупе с давно не стриженными и никогда не мытыми волосами цвета пыли они делали Зубочистку на редкость непривлекательным типом.

Впечатление рассеивалось, когда Зубочистка начинал говорить. Такой вот нескладный уродец был неглуп, доброжелателен и (в меру данных природой способностей) амбициозен – насколько может быть амбициозен юноша лет двадцати, выросший под землей в общине сдвинутых на всю голову выживальщиков.

Небо Зубочистка видел за свою жизнь всего пару раз, и то через мутные стекла противогаза, а потому честолюбие его было направлено на карьеру сталкера. Лазить по радиоактивным руинам и добывать хабар представлялось ему истинным счастьем.

Пошта подобные устремления одобрял. Сидеть по норам и тихо вымирать, как советовали матерые выживальщики, с точки зрения листонош, было путем в забвение. Катаклизм Катаклизмом, а жизнь дана человеку чтобы жить, а не чтобы прятаться и выживать.

К сожалению, лидеры общины Штольни – матерая дама лет сорока пяти по кличке Курдулька и ее брат, серолицый, одноглазый и однорукий калека Хробак – придерживались противоположных, весьма консервативных взглядов. Запастись тушенкой и сидеть в штольне, пока все само не обра-

зуется, представлялось им оптимальной линией поведения.

Листоношу они выслушали внимательно, но реального интереса к положению дел на поверхности не проявили, выделили Поште койку в одном отсеке с Зубочисткой и велели ожидать дальнейших распоряжений.

– У нас тут своих проблем хватает, – просипел Хробак, и Курдулька согласно закивала.

Охранники подземных жителей, проводившие Пошту к новому месту обитания, старательно молчали, и лишь когда Пошта отпросился в туалет (который в штольне именовали на морской лад – галльон), один из них буркнул другому:

– Хороший парень, крепкий. Дурь выйдет – боец получится.

Из чего Пошта заключил, что отпускать его никто не собирается, охранники на самом деле – конвоиры, и ждет его процесс «выхода дури», то бишь обламывания психики Пошты в интересах балаклавцев.

«Ну-ну, – усмехнулся мысленно Пошта. – Успехов вам в нелегком деле!»

Психика листонош была покрепче их физический кондиций и ломке практически не поддавалась.

С этими мыслями Пошта зашел в спальный отсек (тоже поименованный по-флотски каютой) и познакомился с Зубочисткой.

– Штольня – это никакая не штольня, конечно, просто так называется, – разглагольствовал парень, пока Пошта раскла-

дывал свой нехитрый скарб на койке. – Это раньше была ремонтная база подводных лоток российского Черноморского флота. Объект Восемьсот тридцать пять ГТС, секретный по самое не могу. Одно время он стоял заброшенный, потом начали вроде реанимировать – а потом: бац, и Катаклизм. Нам, балаклавцам, повезло с объектом. Со штольней, то бишь. Тут двери герметичные, системы фильтрации воздуха, запасы продовольствия, источник пресной воды, оружейные склады... Словом, хорошо Вээмэф к войне готовился, на совесть. Не то, чтобы им это помогло, а вот нас здорово выручило. Плохо то, что все это рано или поздно закончится. Фильтры поломаются, тушенка закончится – и дальше что? Рыбу радиоактивную ловить будем? Медуз жрать? А руководство не понимает. Ну пошлют они одну экспедицию на поверхность раз в месяц, ну притащат те чуток хабара... А толку? Надо десять, двадцать экспедиций снаряжать! Разведка, картографирование! Контакты с другими выжившими!

Пошта поймал себя на том, что одобрительно кивает. Из Зубочистки мог выйти неплохой листоноша – найди его члены клана чуток пораньше, когда мальцу было не больше годика от роду...

– А еще морлоки эти долбанные! – продолжал разоряться Зубочистка. – Никакого сладу с ними нет!

– Кто-кто? – удивился Пошта.

– Морлоки! Твари белоглазые! В заброшенной части штольни живут! Что жрут – непонятно, откуда взялись – то-

же хрен разберешь, мутанты, одно слово!

– И чем они вам мешают? – любопытствовал Пошта.

Зубочистка аж задохнулся от негодования:

– Они же людоеды! Детей тырят! А потом жрут! Каждую неделю набег случается!

И словно в подтверждение его слов под потолком отсека вспыхнула и замигала красная лампа с полуоблезшей надписью «Тревога!»

Из коридора донеслось завывание сирены.

– Тревога! – подорвался Зубочистка. – Набег! В ружье!

Он нырнул под койку, отключив костлявую задницу, и принялся там шуршать и рыться. Пошта, моментально выхвативший дробовик, наблюдал за возней Зубочистки с любопытством и недоумением. Парнишка наконец-то отрыл под койкой то, что искал. Искомым предметом оказался старый, можно даже сказать, древний! – «калаш» АК-47 выпуска чуть ли не того самого сорок седьмого года двадцатого столетия. Ствол у «калаша» был ржавый, цевье перемотано синей изолетной, давно утерянный приклад заменен более-менее подходящей по размеру и очень грубо обтесанной деревянной чуркой, а ствольная коробка и вовсе отсутствовала, бесстыже оголяя возвратно-боевую пружину (что, как знал Пошта, никак не сказывалось на боеспособности легендарного автомата).

– Вперед! – завопил Зубочистка, воздев «калаш», и ломанулся на выход.

Поште не оставалось ничего иного, кроме как последовать за ним.

Штольня, она же – объект 825ГТС, она же – балаклавский завод по ремонту подводных лодок, гудел как растревоженный улей пчел-мутантов (Пошта видел такое лишь однажды, на Тарханкуте, точнее – на Джангуле. Пчела-убийца, один укус смертелен, рой может уничтожить целый поселок, тогда чуть не погибла Бандеролька)...

Народ носился сломя голову, размахивая оружием и не понимая, что делать дальше. Коридоры штольни были освещены скудно, из трех галогенных ламп горела от силы одна, да и то вполнакала, балаклавцы то и дело натыкались друг на друга, кое-где едва не вспыхнули потасовки.

– Бойцы! – хрипло рявкнули наконец ржавые рупоры системы оповещения, и эхо прокатилось по коридорам штольни. – Защитники Балаклавы! Морлоки опять начали рейд! Отряды противника замечены на минус втором, минус четвертом и минус пятом уровнях. Отрядам зачистки проследовать в центр специальных операций! Отрядам поддержки – получить боеприпасы и приборы ночного видения! Катафоты лепить на грудь и на спину! Центральное освещение будет отключено через пять... четыре... три... две... одну...

Опять взвыла сирена, и штольня погрузилась во мрак. Голос, командовавший по громкой связи, Пошта опознал как принадлежавший Курдульке. Ай да баба, ай да командир!

– За мной! – схватил его Зубочистка за рукав и куда-то

поташил, надо понимать – к арсеналу.

Там, в толчее и суете, в мелькании ручных фонариков и химических факелов, Поште выдали старый, ободранный ПНВ на резиновом ремешке и две наклейки на липучке «велкро». Одну он прилепил себе на грудь, вторую – Зубочистке между лопаток. Зубочистка сделал то же самое, и когда Пошта опустил на глаза ПНВ, все балаклавцы вокруг сияли яркими инфракрасными катафотами на груди и на спине, что позволяло легко отличать их от загадочных морлоков.

Вслед за Зубочисткой Пошта выдвинулся на минус пятый уровень – вниз по ржавой решетчатой лестнице, минуя натянутые паутиной пролеты и не обращая внимания на хлопанье крыльев летучих мышей, обитающих во тьме. Говорят, каждая вторая колония нетопырей заражена бешенством, поэтому лучше крылатых мышек игнорировать. Иммунитет у листонош, конечно, усиленный, но не до такой степени...

– Стой! – прошептал Зубочистка, вскинув кулак вверх, и весь отряд поддержки (то есть Пошта и еще трое балаклавцев) послушно замер. – Здесь разделимся! Пойдем по одному! Проверять каждый коридор!

С точки зрения тактики, это решение было чистой воды идиотизмом, но Пошту устраивало. С его способностями любой напарник превращался в обузу, а в одиночку листоноша мог без помех изучить расположение помещений штольни и

найти что-нибудь интересное.

Балаклавцы рассеялись по коридорам, а Пошта, взяв ружье наизготовку, крадущимся шагом двинулся навстречу плеску волн. По идее, если слышно море, – там должны быть ангары для подлодок.

Коридор был совершенно темный, лампы давно перебили вандалы, и только на стенах, зеленоватых на экранчике ПНВ, мерцали флуоресцентные граффити диггеров, смутно напоминающие знаки листонош. Эта часть ремзавода подлодок, видимо, была заброшена задолго до Катаклизма.

Пошта крался, вслушиваясь в странные звуки подземного мира, и дробовик в его руках жил собственной жизнью, выцеливая малейшее движение, – и все равно нападение морлока едва не застало листоношу врасплох.

Все дело было в том, что потолок в этой части штольни был навесной – обычный такой офисный потолок из гипсокартонных плит, под (или над?) которыми прятались трубы коммуникаций и электропроводка. Там, в полости между навесным и реальным потолком, морлок и прятался. Выждал, гад, пока Пошта пройдет мимо, бесшумно отворил гипсокартонную плиту и бесшумно же, как кошка, спрыгнул на пол за спиной листоноши.

Если бы не чутье листоноши, валяться бы Поште с разорванным горлом и вырванной печенью. Но – успел. Почуял. Обернулся. И встретил летящего в прыжке морлока из двух стволов.

Странно, но того это не остановило! Заряд картечи из двух резаных патронов оторвал морлоку руку и часть плеча, изувечил лицо, выбил оба глаза – но бледнокожий мутант, рухнувший на пол в лужу собственной крови, еще трепыхался и пытался ползти к Поште, скаля кривые клыки.

Тратить патроны Пошта не стал: достал верный охотничий нож – кизляровский «Байкер», обошел покалеченного морлока сзади, схватил того за волосы, оттянул голову назад – и полоснул клинком ниже кадыка.

Морлок захрипел, в потолок ударил фонтан черной крови, и мутант сдох.

Пошта вытер нож, спрятал его обратно в ножны на голени, перезарядил дробовик и задумчиво оглядел труп морлока.

Несчастный людоед был одет в серый выцветший камуфляж. На нашивке над левым нагрудным карманом значилось: «Мичман Завирулько».

Военный моряк. Вот оно что! Морлоки – это аборигены объекта 825ГТС, моряки военно-морского флота!

Укрылись здесь от Катаклизма, значит. А впоследствии – мутировали. Скатились по эволюционной лестнице до людоедства, утратили человеческий облик. И стали жрать балаклавцев. А те – отстреливать морлоков. Закономерный конец для изолированной колонии выживших. Рано или поздно все общины сталкиваются с подобным. И – либо вымирают в неравной схватке с мутантами, либо ищут другие пути развития. Выживание человечества – только в сотрудничестве.

стве одних выживших с другими выжившими. Изоляция – путь к гибели.

От философских рассуждений Пошту отвлек странный звук, доносившийся из-за разобранной потолочной панели. Не звук даже – эхо, смутно напоминающее... ну да, треск радиопомех.

Листоноша закинул дробовик за спину, подпрыгнул, вцепился в каркас подвесного потолка и подтянулся, заползая в узкую, заросшую пылью и паутиной щель. Тут звук был слышен отчетливее и действительно смахивал на шорох работающей рации. Пошта вытащил ракетницу и пополз по-пластунски в сторону источника звука.

Вскоре дорогу ему преградила стена камня, и пришлось разбирать панель потолка и спрыгивать вниз. Куда он заполз, превратившись в потолочную крысу, оставалось только догадываться. Треск радиопомех смолк, уступив место... мелодии? Вряд ли, откуда тут взяться музыке... Но больше всего это смахивало именно на мелодию.

Пошта огляделся. Окольный потолочный путь привел его в помещение с тускло мерцающими лампами на стенах и прогнившим деревянным паркетом на полу. Наличие света означало одно из двух: или рейд морлоков был успешно отражен, или тут была своя, автономная система электропитания. Второе было более вероятно, так как помещение смахивало на штаб. Или, на крайний случай, радиорубку. А таким местам положен как минимум аварийный дизель-генератор.

– Ну-с, что у нас тут? – пробормотал Пошта, осматриваясь.

Комната, два на пять метров. С одной стороны – массивная дверь, не заперта и даже слегка приоткрыта. Если слух не подвел листоношу, за дверью – источник странных звуков. С другой – дверь когда-то была, но выбита чудовищной силы взрывом кумулятивного заряда. В комнате из мебели – стол и стул, прогнившие, из трухлявого дерева. Явный «предбанник», место сидения вечного дежурного. Ага, вот и скелет под столом.

А еще под столом была кобура (пустая) и кнопка (нажатая). Словно покойник вдавил ее перед смертью – а она так и осталась в положение «вкл».

«Интересно, что же она включает?» – подумал Пошта, и ответ не замедлил явиться сам собой. Наверное, сработали невидимые емкостные датчики движения – и из-под спринклеров под потолком повалил желтоватый газ. Пошта мигом надвинул на лицо маску противогаза, но без толку – газ, похоже, был каким-то аналогом иприта, отравляющее вещество кожно-нарывного действия: хоть капля попадет на кожу или, не дай бог, на слизистую – и все, пиши пропало, даже листоноше настанет каюк.

Пошта стремительно метнулся к приоткрытой двери. Газ постепенно заполнял помещение.

Быстро сориентировавшись, Пошта попытался закрыть тяжелую дверь, но это оказалось не так-то просто. Изъеден-

ные ржавчиной, простоявшие несколько десятков лет без надлежащего ухода, дверные петли визжали, словно испуганные крысы. Металлическая обшивка крошилась под пальцами листоноши в мелкую труху, которая моментально забила воздушные фильтры противогАЗа. Чувствуя, что еще чуть-чуть и он лишится сознания, Пошта из последних сил надавил всем корпусом на упрямую железку. Что-то хрустнуло, и дверь наконец-то закрылась. Скинув бесполезный противогАЗ, листоноша схватился обеими руками за обруч дверного засова и провернул его пару раз влево. Внутри двери что-то заскрежетало.

– Надеюсь, я смогу потом тебя открыть... – Пошта устало прислонился лбом к теплому металлу двери, чувствуя, как пот градом льется ему за шиворот. Листоноше пришлось сделать не меньше десяти глубоких вдохов и выдохов. Немного помогло: исчезла противная слабость в ногах, а окружающие предметы перестали двоиться.

Окончательно успокоившись, Пошта приступил к осмотру помещения. Пункт связи в балаклавском бункере заметно отличался от тех, что листоноше доводилось видеть прежде. Как правило, это были небольшие комнаты, обставленные по минимуму: стол, пара стульев, стеллаж с документами и громоздкое оборудование, давно пришедшее в негодность. Здесь же все было совсем по-другому. На противоположной от входа стене располагался огромный экран, ныне погасший и покрытый толстым слоем пыли. В центре помещения вы-

строились в шахматном порядке пять столов, на каждом из которых стоял маленький телевизор и дощечка с маленькими кнопками. Да это же компьютеры! Если Пошта сможет доставить хоть один из них в Джанкой, то ребята из научного отдела его на руках носить будут пару недель, не меньше. Ведь оборудование, находившееся во время Катаклизма в подземных укреплениях, до сих пор функционировало, и запчасти от этих компьютеров могут принести немало пользы для клана Листонош.

– Так-так-так. Кого же из вас мне выбрать? – на несколько минут Пошта забыл об идущей за закрытой дверью кровопролитной схватке между морлоками и карательным отрядом балаклавцев. На первый взгляд все пять аппаратов были в хорошем состоянии, лишь серый пыльный налет да бурая плесень портили общее ощущение их целостности.

Вспомнив занятия в классе прикладной механики и наставления мастера Ступицы, листоноша отсоединил провода, ведущие от монитора к системному блоку, а затем провод электропитания и клавиатуры. Еще к серой коробке компьютера было присоединено странное устройство, похожее на располовиненную грушу с колесиком посередине. Решив, что лишней она не будет, Пошта засунул пластмассовый фрукт в боковой карман.

И тут на маленьком экране что-то мелькнуло. Затрещала одна коробочка, загудела вентилятором другая, и на приборном пыльном стеклянном ящике появилась фраза:

«Установить соединение? Y – да, N – нет, A – отмена».

Повинуясь внезапному порыву, Пошта нажал клавишу с символом «Y». В ответ на это компьютер мягко заурчал, а на экране монитора побежали столбцы букв и цифр. Естественно, Пошта не мог разобрать или запомнить не единого слова, ведь даже если бы он знал прикладную механику на «отлично», уследить за этим мельтешением было физически невозможно.

Так продолжалось с минуту, пока не произошло нечто совершенно неожиданное. Огромный экран на стене вдруг озарился ярким ровным светом. В пункте связи моментально стало светло, как днем, Пошта еле успел прикрыть глаза рукой, чтобы, не допустив Охранители, не повредить зрение. Но на этом странности не закончились. Из двух маленьких черных коробочек, стоявших по бокам монитора, раздался чей-то голос, напевавший смутно знакомую песню:

– ...однажды капитан

Был в одной из южных стран

И влюбился, как простой мальчуган.

Раз пятнадцать он краснел,

Заикался и бледнел... Да где же эти американцы запропастились!

На несколько секунд Пошту буквально парализовало, он просто не мог поверить в происходящие. Из маленьких коробочек он слышал голос настоящего, живого человека! Каждого члена клана много лет готовили к подобной ситуации,

у нее даже было кодовое обозначение – «Контакт». И ведь правы, правы были его учителя, а он, дурак, не верил. Где-то за пределами острова тоже есть выжившие. И как знать, может быть, этот разговор станет отправной точкой в истории возрождения Крыма?

Сбросив оцепенение, Пошта сглотнул набежавший в горле ком и приготовился произнести заученную на зубок фразу приветствия. Но от волнения все нужные слова куда-то делись, и вместо них он сказал первое, что пришло на ум:

– Это кто?

Пение тут же прекратилось, было слышно лишь чье-то тяжелое дыхание и непонятный шорох.

– Как кто? Это я, Батон. Треска, ты что ли? Где ты исправную рацию раздобыл, а? Вторую радиорубку нашли?

– Это не треска, – листоноша лихорадочно пытался вспомнить, где же ему раньше доводилось слышать это слово – «батон». Вроде бы это что-то грузинское? И причем тут рыба? – Меня зовут Пошта.

– Какая еще «почта»? Слышь, поваренок, хватит эфир засорять! Руки пообрываю, тесто пятками будешь месить! Палуба какая у вас...

– Еще раз повторяю, я не Треска. Я Пошта. Пошта из клана Листонош.

– Какого клана? Так это не с «Поликарпова»? Ох ты растудить твою, не сдохла, сволочь!.. Вот так известия. Живой?! Кто? Ты откуда вообще, братуха?

– Сейчас нахожусь в Балаклаве. Это на острове Крым.

Собеседник замолчал на некоторое время, и Пошта уже было подумал, что связь прервалась, но тут невидимый «грузин» вновь подал голос:

– Крым?! Вот уж слышались, так слышались, нечего сказать. Весточка с того света прям. Был я в Крыму пару раз. Первый раз в Севастополе, в «учебке», а во второй раз в отпуск с женой приезжал. Димка еще совсем карапузом был. Ласточкино Гнездо, Ялта, трамвай, солнышко припекает, ласково так... хорошо! Подожди, почему ты сказал остров? Он же всегда полуостровом был!

– Был когда-то, да сплыл, – губы Пошты невольно растянулись в улыбке. Удивительно, но его незамысловатая шутка пришлась собеседнику по вкусу, и тот басовито рассмеялся, – Батон! Тебя ведь так зовут? А ты где находишься? В Грузии?

– Вот честное слово, я бы с радостью... Да только вместо гор и «Хванчкары» у нас тут айсберги с пингвинами, – невесело усмехнулись динамики, – Вообще-то меня Михаилом Александровичем Зеленским зовут. Мы с ребятами застряли во льдах на Южном Полюсе. В районе полярной станции «Новолазаревская».

– На Южном Полюсе! – восхищенно воскликнул листоноша. Он относительно хорошо представлял себе географию Земли до Катаклизма, но даже не мог себе представить, насколько далеко от него сейчас находился Батон. – Как же вам

удалось там выжить?

– Да мы сами-то не местные, из Пионерска на атомоходе «Иван Грозный» пришли... вирус тут кот...рый...база немец...ейчас ищем подходящие... – звук голоса потонул в шуршащем водовороте помех, а затем наступила полная тишина.

– Эй! Эй, Батон... Михаил? Ты еще тут? Слышишь меня? – но больше черные коробочки не проронили ни звука.

Пошта растерянно поглядел по сторонам. Произошедшее казалось сном. Слишком это было невероятно, невысказано, непостижимо – выживший человек на Южном Полюсе! О таком не мечтали даже самые смелые листоноши!

И он, Пошта, установил с ним контакт. Перспективы открывались невысказанные.

Оставалось только понять, что с этим контактом и перспективами делать. Ну как минимум – сохранить контакт и рассказать о нем остальным листоношам, в Джанкой. Сохранить... Это компьютер, так? Пошта никогда в жизни не работал за компьютером, но – насколько это может сложно, в самом деле?

Он уселся на крутящийся стул, придвинул к себе дощечку с кнопками (клавиатуру, вспомнилось слово), поглядел на экран.

«Связь прервана. Абонент оффлайн», – светились буквы. Пошта вытащил из кармана странную пластиковую грушу с колесиком. На плоской стороне девайса мерцала красная

лампочка, похожая на лазерный прицел. Пошта закрыл пальцем отверстие – и что-то шевельнулось на экране. Стрелочка! Обычная белая стрелка! Она повторяла движения пальца Пошты, только почему-то рывками и в обратную сторону!

Значит, «груша» – это пульт управления компьютером! Странно, что она никак не соединена – хотя, чего тут странного, обычный радиопульт! А зачем колесико?

Пошта крутанул его пальцем, и стрелка на экране дернулась вверх. Оттуда вывалилась на экран серая полоска со словами «Меню. Сохранить. Отправить. Выход»

Осторожно шевеля пальцем над красной лампочкой, Пошта подвел стрелку к «Сохранить» и надавил на колесико. Оно щелкнуло, и на экране появилась новая надпись: «Сохранить контакт на перфокарту?»

Уже уверенно (чай, не в первый раз!) Пошта нажал на клавиатуре кнопку «Y».

Что-то загудело, тревожно застучало, и один из ящиков выплюнул светло-желтый кусок картона прямоугольной формы с одним отрезанным углом.

Так вот ты какая, перфокарта!

Пошта бережно, будто величайшую ценность (а в каком-то смысле, так оно и было!) вытащил перфокарту и сунул за пазуху, под бронежилет.

Цель номер один, локальная, достигнута. Цель номер два, глобальная: выбраться отсюда и не сдохнуть в процессе. Не травануться ипритом, не влезть в перестрелку между бала-

клавцами и морлоками, не застрять в штольне на веки вечные.

Все, что надо было знать листоношам об общине выживших в Балаклаве, Пошта уже выяснил. Надо было делать ноги.

Пошта залез на стул, потом на стол, привстал на носки и приподнял потолочную панель. Ага, вот она! Как и подозревал листоноша, тайный переговорный пункт был оборудован вентиляционной системой по высшему разряду. Еще бы, если они травят незваных гостей газом – должны же были во-яки как-то проветривать помещение!

Можно было поискать пульт управления и от вытяжки – включить (если работает) и обождать, пока мощные вентиляторы вытянут газ, а спринклеры системы пожаротушения обеззаразят дорогу. Но был выход и проще – самому просочиться через вентиляцию.

Пошта поправил снаряжение, проверил, плотно ли сидит ракетница в кобуре, перетянул чехол с ружьем со спины в подмышку, и снова полез в пыльное нутро навесного потолка. Вентиляционная решетка сидела на четырех ржавых болтах, и у листоноши ушло минут десять только на то, чтобы их открутить.

Поэтому когда он пополз по продуваемой холодным ветром трубе, звуки перестрелки в коридорах штольни начали смолкать. Судя по всему, победили балаклавцы, отбив очередной рейд морлоков, – сирены стихли, опять врубили

электричество в основной системе энергопитания, и загудели лопасти могучих вентиляторов. Листоноша даже замерз, пока добрался до центральной шахты, соединяющей по вертикали все ярусы штольни.

Тут его поджидал сюрприз: на выходе из трубы в шахту стояла растяжка – самая обычная граната Ф-1, она же «лимонка», примотанная скотчем к скобе лестницы. От кольца к противоположной стене вела тонкая рыболовная леска. Если бы не ПНВ, в зеленоватом мерцании которого леска светилась, как лазерный луч, Пошта бы наверняка задел бы ее и выдернул чеку. А от взрыва «лимонки» в замкнутом помещении листоношу разорвало бы на куски.

Так что, можно сказать, Поште повезло. Он аккуратно прижал предохранительный рычаг, вытащил чеку, зубами сорвал леску с кольца и вставил чеку обратно, разогнув усики, после чего сорвал скотч и сунул гранату в карман. Вещица полезная, в хозяйстве пригодится.

Предстоял долгий подъем на шесть этажей по ржавым и шатким скобам, вбитым в каменные стенки вентиляционной шахты. Но, если Пошта правильно все рассчитал, шахта выведет его либо на поверхность, либо – в ангар, где балаклавы держали автотранспорт (десяток багги, пару мотоциклов и один «камаз») и где Пошту дожидался верный конь Один.

Если, конечно, Курдулька с Хробаком не распорядились пустить коня-мутанта на конскую колбасу. В таком случае оставалось только посочувствовать исполнителям одного ре-

шения – Одина убить было не так-то просто.

Размышляя на эти отвлеченные темы, Пошта механически переставлял руки и ноги, карабкаясь вверх и стараясь не обращать внимания, как наливаются тяжестью мышцы. «Выберусь, – подумал он, – я обязательно выберусь!»

* * *

Почти на самом верху он едва не сорвался: скоба, за которую он схватился, беззвучно выскользнула из стены и полетела вниз. Благо Пошта соблюдал одно из главных правил скалолаза – всегда имей три точки опоры – и только поэтому не полетел вслед за ней.

Пространственное чутье не подвело листоношу: шахта вывела его прямо в ангар. Решетку снимать не пришлось, в ней зияла дыра от кумулятивного заряда – видимо, следы первопроходцев, отвоевывавших штольню у морлоков.

Высунув голову, Пошта огляделся.

Ба, знакомые все лица! Зубочистка! А он что тут делает?

Похоже было, что Зубочистка замыслил побег. Он крался, пригнувшись, вдоль рядов багги, и тащил за собой рюкзак. На груди у молодого балаклавца висел старый, обтрепанный противогаз, на боку – мешок с запасными фильтрами и емкости с питательной смесью.

На лице Зубочистки читался экзистенциальный ужас.

Пошта негромко присвистнул, и Зубочистка замер, оце-

пенев.

- Далеко собрался? – поинтересовался листоноша.
- Ты где? – испуганно завертел головой Зубочистка.
- У тебя над головой. Вверх посмотри, болван!

Зубочистка запрокинул голову:

- Ух ты! Ты как туда забрался?!
- По лестнице, – проворчал Пошта. – Что там, внизу?

– Жопа там, – погрустнел Зубочистка. – Полная. Морлоки два уровня сожгли. Подорвали баллоны с пропаном. И продовольственные склады – тоже. Курдулька объявила, что с сегодняшнего дня рацион урезают вдвое.

– И ты решил свалить, – резюмировал Пошта, вылезая наконец-то из шахты и мягко спрыгивая на пол.

– Да я не из-за этого! – возмутился Зубочистка. – Просто все равно нам всем капец. Ну отбили мы одну атаку, отбили вторую. Толку-то?! Морлоки плодятся быстрее, чем их убиваем. Последняя волна была – молодняк совсем, не больше метра ростом, а злобные, кусачие, что твои акулы. Нет у нас шансов выжить, нету! Числом задавят, твари!

«Молодой, а соображает, – отметил Пошта. – Возьму-ка я его с собой. Жалко бросать толкового парнишку в этом подземном болоте!»

– И как ты собрался удирать, позволь спросить? – поинтересовался листоноша.

– Я багги угоню!

– А водить-то ты умеешь? – усомнился Пошта.

– А то! Я до Катаклизма, знаешь, кем был? Летчиком! Гражданская авиация, слышал про такую? Уж с этим драндулетом-то я справлюсь!

Пошта опешил. Выходит, Зубочистка – совсем не такой сопляк, каким выглядит. Летчик. Однако...

– Как же тебя в Балаклаву-то занесло? – спросил Пошта.

– А, – махнул рукой Зубочистка. – Так жизнь сложилась. Я после Катаклизма в Южной Балаклаве застрял – форт «Бочка смерти», слышал?

– Слышал, – мрачно подтвердил Пошта.

– Два года там продержались. Я, жена, двое детей, три племянника, брат жены... Все умерли. Все. Остался я один и двинулся на поиски выживших. Долго бродил, пока сюда вот не пришел. Думал тут – нормально: община, порядок, перспектива. Фигушки! Та же хрень, только в профиль. Зарыться поглубже и сидеть, пока не сдохнем. Валить надо!

– Надо, – согласился Пошта. – Только не на багги. Далеко мы на нем не уедем. Бензин мы где, по-твоему, брать будем?

– Опаньки, – скис Зубочистка. – Об этом я как-то не подумал.

– На Одине поедem, – решительно сказал Пошта. – Знаешь, где его держат?

– Твою зеленую зверюгу? Знаю. А она мне башку не откусит? – испугался парень.

– Не бойся, не откусит. Если я не прикажу. Веди давай, показывай!

Зубочистка побрел вперед, все еще пригибая голову – хотя охране штольни явно было не до них, у бойцов балаклавской общины хватало дел и под землей, оттуда все еще доносились редкие выстрелы и глухие взрывы – бойцы зачищали коридоры от остатков морлоков. Пошта пошел следом, держась на некотором отдалении.

И правильно сделал: глупо идти так, чтобы противник мог снять обоих одной очередью.

Стрелять в Зубочистку не стали, просто подошли сзади, из-за «камаза» и ткнули стволами «калашей» в спину. Двое, амбалы в камуфляже, бритые затылки с татуировками от уха до уха – какая-то кельтская вязь.

– Куда намылился, сопляк? – спросил первый амбал. – Лыжи решил наострить? С кичи деру дать?

«Бандюки», – сообразил Пошта, которого, к счастью, не заметили, и юркнул под «камаз».

– Да вы чего, мужики! – заволновался Зубочистка. – Я же с инспекцией! Проверить ходовую часть! Жалоба поступила, что движок барахлит, вот меня и направили!

– А мне кажется, – подал голос второй урка, – что ты решил свалить. Вон и рюкзачок приготовил. А потом наведешь на нас мародеров.

– Каких еще мародеров?! – искренне изумился Зубочистка.

– А таких, как твой дружок. Сосед который. Ты что, думаешь, зря Хробак велел его к тебе подселить? Хробак де-

зertifиров нухом чует.

«Это они про меня, – понял Пошта. – Мародер я для них, значит. Вот кретины!»

– Спелись, сучата? – продолжал приклатненный охранник. – Ща значит – деру, в самоволку, потом к горным бандитам – им навар, вам процент? Ты у меня, гнида, морлокам на корм пойдешь! Знаешь, что за измену полагается?!

Зубочистка, побледнев, замотал головой.

– Помнишь, в позапрошлом месяце насильника поймали? В батискаф – и на дно морское. Подыхать медленной смертью. Вот и тебя туда же, вместе с бродягой этим...

Пошту такая перспектива не очень устраивала, поэтому он беззвучно вылез из-под грузовика, подкрался к громила-ми и рубанул двумя руками наотмашь, целя ребрами ладоней пониже ушей. Есть там такая точка – нервный узел, каротидный синус называется. Регулирует внутричерепное давление. При сильном ударе может вызвать остановку сердца.

Оба амбала рухнули, как подкошенные.

– Магазины у них подбери к «калашу», – посоветовал Пошта офигевшему Зубочистке. – И фильтры для противогаса поищи, дорога нам предстоит неблизкая. Где Один?

– Там, – показал Зубочистка.

Из-за угла донеслось призывное ржание боевого коня.

Интерлюдия

Мальчик

Непонятный звук повторился снова, и из песчаника, который, осыпаясь, вспух крошащимся сушеной землей бугром, наполовину высунулся панцирник, карауливший добычу в логовище под раскидистым кустом колючек. Медленно повел отвратительной приплюснутой мордой с россыпью белесых глазюк и пощелкал кривыми серповидными жвалами. Звук, наверняка распугавший во всей округе долгожданную добычу, которую он так терпеливо ждал, на поверхности был слышен отчетливее, и к тому же приближался. Панцирник покрутил головой, которую в следующее мгновение неторопливо накрыла изогнутая длинная тень, и пощупал воздух шевелящейся ложноножкой, которую высунул из раздувающегося теменного подсумка.

- Ишь, шельма какой. Глянь, метров пять, не меньше.
- Ну-ка, Ваню, шугани ее. Чтоб другим неповадно было.
- Сейчас. Айн момент.

Грохнул выстрел, и уродливая башка сороконожки-мутанта разлетелась в клочья, оранжевым фонтаном разбрасывая вокруг отравительные комья студенистой плоти.

- И откуда только здесь эта шушера вся нарождается, – недовольно проворчал челнок, досылая патрон в дымящийся-

ся карабин и засовывая его обратно под пассажирское сиденье. – Тут же степь, пустыня, считай, жрать совсем нечего. Ан нет, так и прут ведь, приличному человеку уже негде ступить. Позавчера шкандыбали – не было ее тут.

– Тут же тракт. Караваны, кочевники, бандюки, – мягко выправляя штурвал, пожал плечами напарник. – Разборки частые, а у кого и скотина в переходе копытится. Вот падаль да трупки и переппадают. Прикормленное место, считай.

Под днищем бесколесного автомобиля, превращенного в хорошо оборудованную гондолу, медленно плыла выжженная солнцем дикая крымская пустошь. Поскрипывал ржавый металл, стонали крепкие тросы, тянущиеся от бортов «Таврии» к огромному вытянутому шару, сотканному из давно выцветших лоскутов парусины, тряпок, брезента и даже парочки чьих-то шкур. То и дело оживал двигательный механизм в крыше автомобиля, выхаркивая в чрево аэростата-«Франкенштейна» пыщащие жаром алые языки пламени. Гулко работал «гребной» винт на корме.

– Все-таки до вечера не успели, – сплюнув за борт, цыкнул сидящий на месте водителя челнок и, поправив на макушке кургузый танковый шлем, щурясь, посмотрел на опускающееся к горизонту алое пятнышко солнца.

– Поддавать нельзя, и так лишнего израсходовали, – извернувшись на сиденьи, Ваню снял перчатку и потрогал трудящийся во втором «отсеке» двигатель. Третий отсек полностью занимали мешки и контейнеры с драгоценным хаба-

ром, который челноки везли на продажу. Было даже несколько ящиков с картошкой.

— Надо где-то тормознуть. Без перекура не дотянем. В глазах уже рябит, и жрать охота.

— Тут к юго-западу поселение, — Ваню развернул на коленях засаленную, заляпанную и перештопанную черти как модельную карту местности с указанием торговых маршрутов, пометок опасных зон и засидок с мутантами. — Может, сунуть нос? Заодно разведаем, что к чему. Народ вроде мирный, замкнутой общиной живет.

— Так нас там и ждали, — буркнул пилот.

— А кроме них ближе ничего нет, — пожал плечами напарник.

Аэростат челноков чуть забрал в сторону от намеченного курса, продолжая неторопливо продвигаться вперед.

* * *

Уже в ранних сумерках дозорные, которых не успели сменить и которых нестерпимо манил упрямо дразнивший ноздри запах жарящегося на огромном кострище в центре лагеря свежего мяса, приправленного набором пустынных трав, лениво поглядывая на горизонт, заметили на северо-западе тускло подмигивающие огоньки. Они смутно колыхались в дымке преломляющейся полосы, разделявшей темнеющее небо и выжженную солнцем крымскую степь, неторопли-

во остывающую от удушливого дневного зноя. Нагретый за день и теперь остывающий воздух принес вместе с порывом ветра запахи жженого топлива и отдаленный размеренный гул, напоминающий работающие двигатели. Но горизонт оставался недвижим, новый мир, таящий для человека новые опасности, выглядел предательски спокойным, неторопливо отходя ко сну и нарушая густым пологом опускающуюся тишину лишь стрекотом неведомых насекомых. И это настораживало больше всего.

– Кочевники, – Игвар сплюнул травяной мякиш, от которого уже порядочно ныли зубы, и поудобнее перехватил самодельную пику, одновременно служившую посохом и сделанную из крепкой жердины с примотанным в виде наконечника заточенным штык-ножом, снятым когда-то с АКМ-72. Обрыдлая жвачка хоть как-то помогала скрыть за монотонностью работающих челюстей, тягучие минуты пребывания в дозоре. В работу часовых не входила война, эти люди ценились за зоркость, слух и выдержку, позволявшую находиться на своем посту по несколько длинных, томительных часов, зачастую практически сутки. Люди, от которых зависела жизнь приглушенно гудящего за их спинами бивака, готовящегося к сытному ужину, после которого можно будет спокойно отойти ко сну, когда подкрепившаяся похлебкой смена, наконец-то соизволит оторвать зад от обеденной скамьи. Изредка слышался неторопливый бас мужских голосов, деловитый женский гомон, к которому примешивался дет-

ский плач, уютное мычание топчущейся в загоне скотины, потрескивание в жаровне углей, над которыми ветер закручивал шипящее от капель жира пламя.

– Падальщики, – достав из закрепленного на ремне под-сумка старинный трофейный бинокль военного образца, за которым ухаживал и регулярно очищал от смертельно опасного для нежной техники приносимого ветром песка, напарник поднес его к глазам и прищурившись, включил режим ночного видения. Остывающий воздух на границе земли и неба преломлялся, вибрировал и дрожал, мешая разглядеть непонятный источник загадочного появления светлячков. А может, и показалось. Да нет, вон один. Чуть левее еще три, а совсем в стороне четвертый, приближающийся к остальным под каким-то странным углом и, что более странно, – намного быстрее.

– Что скажешь? – Игвар взял протянутый бинокль и некоторое время смотрел на пустыню.

– Фары.

Напарник кивнул.

– Квадры, или что-то пошустрее. Только чего они мечутся как припадочные? Вон опять, смотри.

– Объезжают стоянку. К привалу готовятся, – неуверенно ответил второй дозорный, продолжая щупать окулярами местность. – Вроде караван.

Усталость, глюки от перенапряжения? Запросто. Голод упрямо стоял на своем. А может, и вправду караван, их об-

щина находилась неподалеку от одного из торговых трактов, которым часто пользовались челноки и солидные торгаши покрупнее. Но с другой стороны, надо обладать неплохим арсеналом и недюжей смелостью, чтобы пересекать степь ночью. Качнувшись, тревожно загудели мятущееся на концах воткнутых в землю жердей факелы. Игвар вернул бинокль и уже засовывал его обратно в подсумок, когда его окликнул тоненький детский голос:

– Дядька, дай посмотреть!

– Ты чего не дома? Ужинают все давно. А ну, брысь!

– А я уже, – тряхнув челкой, упрямо соврал мальчишка. – Дядька Антон передать велел, чтобы не робели, и еще чутка потерпели, вас скоро сменят. Ну, дай. Ну, разочек!

– Ладно уж, – смиловившись взрослый, то ли обрадованный скорой передачей вахты, то ли глядя на смешно нахмуренную мордаху ребенка. – Только не крути ничего.

– Знаю я, – деловито отмахнулся мальчишка и, взяв прибор, жадно прильнул к окулярам, нацеливая их на степь. В выпуклых линзах довоенного прибора она выглядела как на ладони. Такая бескрайняя и манящая, что у мальчишки перехватило дух. Такая близкая – можно рукой подать – и такая недоступная, затаенная опасность на каждом шагу.

– Эй, – неожиданно буркнул он, не отрывая глаз от бинокля. – А это что?

– Где, – лениво поинтересовался Игвар, не предавая особого внимания словам, мало ли что мальчишке почудится. –

Чего усмотрел?

– Да вот же. Вон там... – паренек перехватил бинокль и, к удивлению часового, умело подкрутил кольцо кратности, подправляя градус оптики.

– Эй, а ну-ка не трогай.

– Глядите, – мальчик чуть не заплакал от досады, что ему никто не верит, – там кто-то лагерь разбивает.

– Брешешь, малец. Фантазер. Не спеши, наиграешься в войнушку еще!

– Да ну вас!

Откуда-то издалека донесся унылый животный вой и внезапно резко оборвался, словно придавленный чьей-то невидимой рукой. Ребенок вздрогнул, но бинокля не опустил. Наоборот, ему стало еще интереснее. Так звучал мир где-то ТАМ. В большом и опасном пространстве за пределами бункера.

– Ну все, хватит. Насмотрелся уже.

– Эй! – разочарованно пискнул ребенок.

– Все, хватит с тебя, – пряча прибор в подсумок, не грубо, но твердо отрубил часовой. – Дуй домой, постреленыш. Мамка обыскалась, небось.

– А она знает, что я до вас пошел, – невозмутимо отрезал ребенок. – И у меня дела есть! Не маленький!

– Ну-ну, – переглянувшись, хмыкнули дозорные, но упрямый ребенок опять припустил куда-то в сторону, возвращаясь к входу в бункер, где обитала его семья да и вся неболь-

шая община, через наружные загоны, в которых ворочался домашний скот и недовольно фыркали лошади.

– Эй, – прислонив лицо к неширокому отверстию в ограждении, скорее слыша и ощущая запах невидимых в сумраке зверей, осторожно позвал мальчишка. – Ты где? Я пришел. Принес тебе кое-что, выходи.

В темноте завозилось, и в полоску света, отбрасываемого факелом у входа в загон, поднявшись из наваленной на землю кучи соломы, выступил жеребенок, неуклюже перебирая четырьмя парами тоненьких, словно прутья ног.

– Не бойся, давай, – выудив из кармана горсть сушеных кореньев, скупно смоченных драгоценной водой, которую сцедил чуточку из канистры, припрятанной родителями на черный день (он даже боялся представить, что бы было, узнай отец о таком страшном проступке) ребенок протянул угощение приближавшемуся жеребцу, настороженно нюхавшему воздух. – Это вкусно, я сам пробовал. Только жевать надо быстро, а то горчит потом.

В подтверждение слов он поднес один из корешков ко рту и (ловко спрятав его кулаке) изобразил, что положил его в рот и стал с улыбкой разжевывать. Жеребенок скосил лучащийся доверием миндалевидный глаз и, поведя ушами, высунул длинный шершавый язык, за которым последовал растаявший в воздухе клуб пара.

– Вот молодец, – пока жеребенок с удовольствием хрумкал корешки, работая массивными челюстями, мальчик про-

тянул руку и осторожно поднял ладонь. Поколебавшись, он коснулся теплой шершавой морды, которую покрывал воздушный зеленоватый пушок. Дикие скакуны крымских степей тяжело поддавались дрессуре и нередко в виде протеста откусывали горе-укротителям руки, да и прочие другие «не к месту» выступающие части тела. Но этот был еще совсем-совсем маленьким, всего нескольких месяцев от роду, к тому же родившийся уже в неволе, и мальчуган успел к нему привязаться. – Ты будешь моим конем, – с уверенностью важно рассудил он.

Продолжая расправляться с ужином, который смачно хрустел на зубах, жеребенок шумно всхрапнул и хлестнул себя по крупу коротким хвостом с кисточкой на конце.

– Сынок! Эй! Да где же этот сорванец! Да что же это за ребенок, управы на него нет.

– Это мама! – ребенок испуганно отстранился от загона, словно его ударило током. – Ладно, потом придумаю! Пока! Я завтра вернусь! Обещаю!

Но мальчику не суждено было вернуться, так как его жизнь вместе с судьбами остальных обитателей бункера всего через несколько часов круто изменилась навсегда.

* * *

Бивак атаковали глубокой ночью. Часовых сняли практически без звука, а следом заревела, загрохотала слепящая

прожекторами разномастная техника, которую во избежание лишнего шума подтащили на вьючных животных, замкнувшая убежище общины в кольцо.

– Жители бункера! – над равниной гулко отражаясь от бетонных стен укрепления полетел властный, искаженный множеством динамиков голос. – Говорит атаман Микула! Вы знаете, зачем я пришел! Время вышло! Я больше не намерен ждать, и так дав вам времени на несколько недель! Мое терпение и доброта не безграничны. Платите указанный оброк, или уходите с моей земли!

– Микула, родный! Не стреляй, это я, Мыхей! – из бункера, помахивая над головой корявой палкой с заляпаным лоскутом, символизирующим парламентарство, показался ковыляющий согнутый дед, всего десяток лет назад бывший крепким сорокалетним мужиком. – Нету оружия, хлопчики, нет! И оброка нет, Микулушка. Ничего нет. Да куда ж мы пойдем-то, родный? С женщинами, дитями грудными. Некуда нам податься Микулушка, пощади. Сами бедствуем. Хочешь скотину бери. Коней бери, курей бери, поросу последнюю, только нету у нас больше ничего...

Коротко хлопнул выстрел. Пуля пришлась старику точно меж глаз, и он, как подкошенный, рухнул на землю, подняв облако пыли, заискрившейся в свете прожекторов. Микула засунул пистолет обратно в кобуру.

– Если нечего дать, заберу все. И всех, – категорично рассудил он и сделал жест сорвавшимся с места боевикам, сво-

рой голодных шакалов ломанувшихся в раскрытые гермоворота, топча тело застреленного старика.

* * *

– Это еще что за дичь? – нахмурился Ваню и, поднеся к глазам бинокль, посмотрел на чернеющую под гондолой-автомобилем степь, в одном месте ярко освещенную кольцом мощных прожекторов от выстроившейся бронетехники.

– Стоянка? Караванщики?

– Не похоже. По карте здесь должна быть община Диннычей. Значит, это она и есть.

– Выходит, нападение? – сидящий рядом напарник так же вглядывался в ночь.

– Да это ж Микула с хлопцами! – вдруг воскликнул Ваню, разглядев символ казачьего атамана, косо намалеванный на боку одного из автомобилей. – За данью, видать, пришел.

– Снова гуляет, черт. Эх, не завидую я тем, кто внутри. Значит, приземляться не будем, – пилот покосился на сложенный в заднем отсеке хабар. – Сами под распилом попадем.

– Похоже, что так, – не отрывая от бинокля проговорил Ваню, в окуляры наблюдая, как на площадку перед бункером выводят группу женщин и детей, которых словно скотину согнали в кучу под дулами автоматов, рядом с лежащими лицом вниз мужчинами. Налетевший ветер донес до челноков эхо выстрела, за которым последовала непрекращающаяся

оглушительная канонада.

– Да что ж он творит-то гад! А ну-ка давай, выворачивай!

– Тебя что, бес попутал? Куда нам-то лезть? С грузом-то! Микула узнает, не простит. Головы поснимает. Всех не сдюжим.

– Не трынди, а давай выворачивай и светильники погаси. Грабить – грабь, но детей с женщинами...

Вано перебрался в лишенную капота переднюю часть «Таврии» и принялся сноровисто расчехлять шестиствольный авиационный пулемет, запитанный к двигателю гондолы.

* * *

– Детей! Детей-то пошто! Пощади, ирод!

– Заткнись, старая дура! – хлесткий удар приклада выбил из щербатого рта старухи последние остатки зубов. Захлебнувшись брызнувшей кровью, женщина повалилась в степную пыль бесформенным кулем тряпья.

Мужчин ткнули лицом в песок, велев заложить руки за головы. Кто-то тихонько подвывал, жалобно скулили дети. Басовито рыдала дородная молодуха, которую, пьяно смеясь, жадно тискал за груди рослый казак.

– Раз не платите – смерть!

– Ишь, какая ладненькая! – из бункера вывалился еще один казак, волокущий за волосы сопротивляющуюся молодую женщину. – В медотсеке пряталась. Что, думала не най-

ду? Моя теперь будешь. Ух я тебя...

– Да пошел ты! – извернувшись пленница смачно плюнула конвоиру в лицо.

– Сука! – взревел казак и, рванув из ножен тесак, с размаху мазанул лезвием по тоненькой девичьей шее. В лицо брызнуло красным.

– Мама! – зажатый в кольцо старух и прочих детей мальчишка рванулся, но чья-то рука удержала его.

– Куда ж ты, глупый. Не рыпайся, не поделать тут уже ничего.

– Мама! Мамочка! – истошно надрывался ребенок. – Сво-лочи!

Убийство словно послужило сигналом. Густая, бурая кровь, толчками выплескиваясь из горла женщины и лениво мешаясь с песком, пробудила страшный, чудовищный первобытный инстинкт. Казаки Микулы, словно псы при виде крови, вскинули свое оружие, без разбора, не целясь, расстреливая всех и вся. Ночной воздух наполнился криками, запахом пороха, смертью...

И вдруг пришел новый звук: тонкое жужжание на уровне свиста. В следующий миг первый ряд расстрельной команды превратился в корчащийся фарш, сложившийся, словно толкающие друг друга кости домино, под которым высокими, под три метра фонтанами вздымалась земля. Плавно приближающийся аэростат с челноками открыл по казачьей банде шквальный огонь, угощая налетчиков из авиационно-

го пулемета. Ваню работал, не целясь, понимая, что в кровавой бойне, которая только что произошла, в живых никого не осталось. Все смешалось – люди, налетчики, пленные.

– Жрите, суки! – заорал Ваню, и под шквалом пуль, неуклюже взбрыкнув задом, с грохотом взорвалась одна из громоздких машин, находящихся в оцеплении. «Хаос, боль, разрушение... Вот что мы оставили себе. Вот что сделали с миром. Плевать!» – Ваню с такой силой давил на гашетку, что побелел палец.

– Папа! Папа! – отчаянно звал ребенок, придавленный грузным телом расстрелянной старухи, из которой на его лицо сочилась теплая кровь. – Мама!

Ребенок тщетно вопрошал окружающий хаос, пропитанный смертью и выстрелами, размазывая по личику густую, липкую кровь... Обрывки... Паника... Страх... Истекающее кровью тело женщины, которая всего несколько мгновений назад была его матерью. Тело отца, невидимое за горой трупов расстрелянных мужчин... Мальчишка не выдержал, закричал, протягивая ручки неизвестно кому. Неизвестно куда. Хоть кому-то... Он зажмурился, чтобы не видеть. Не слышать. НЕ быть. И, уже теряя сознание, почувствовал, как кто-то берет его на руки...

Глава 2

Летучий поезд

Припекало – это еще мягко сказано. Как только выбрались из балаклавской долины на разрушенное шоссе, идущее в сторону Севастополя, Пошта с удовольствием снял противогаз и защитный костюм и объявил привал. Не то, чтобы здесь не фонило – еще как фонило, особенно от виноградников Золотой Балки, – но листоноша давно уже мог обходиться без защиты, а перед Зубочисткой скрывать свою природу он не собирался.

– Ух, морлока тебе в зад! – Зубочистка откинулся на спину. – Это сколько же нам еще топать?

– Да недолго. Сперва по Эн-Девятнадцать до Ялтинского кольца, там – по Президентской дороге аккуратно до Инкермана. В Севастополь нам не нужно, не осталось там никого. А от Инкермана – по шпалам, по шпалам, и скоро мы в Бахче-Сарае.

– По железной дороге, что ли?

– Ну да, копать-колотить! Что, напрямик, что ли, идти?

– Напрямик не надо... Ох, добрести бы! Это же топать и топать.

– Не ной, – одернул его листоноша, – сам согласился.

Зубочистка промолчал. Тощий и длинный, он, конечно,

должен был выдержать такой переход. Сменных фильтров для противогаса у него хватит, очищенной воды тоже, а что жарко – ну, потерпит, червяк подземный. Один кого-то поймал в жухлой траве и с наслаждением этим «кем-то» хрустел.

А неплохо было бы подкрепиться!

Пошта огляделся. Холмы, горы, виноградник. Виноградники – особая тема, конечно. Говорят, до Катаклизма на них держалась экономика... ну, отчасти на них. И уж точно были они гордостью тогда еще полуострова Крым, его достоянием. Вино получалось отменное – что в Инкермане, что здесь, на Золотой Балке. А потом все изменилось. И некогда мирное растение стало совсем не мирным.

В общем, плети лозы теперь покрывала крайне липкая слизь. Стоило вляпаться – все, пиши пропало, не вырвешься. И это еще бы полбеды, но в винограднике жили огромные улитки и симбионты. Поште говорили, что уховертки тоже раньше были безобидными – маленькие такие жучки. Фиг там! Прилипшего человека эти твари размером с ладонь и с раздвоенным жалом на заднице за несколько часов обгладывали до костей.

Охоты в винограднике не было никакой, а по разрушенному шоссе животные не бегали.

Асфальт давно раскрошился, сквозь него пробивался чертополох, верблюжья колючка и кусты. А тени не было. Зато вид открывался шикарный: горы и море – с одной стороны, поля и горы – с другой.

– Пойдем, – Пошта поднялся. – Нечего рассиживаться.

Зубочистка с неохотой поднялся. Листоноша ждал, что спутник будет спрашивать его о клане, да хотя бы о Бахче-Сарае (не был же нигде, кроме родной Балаклавы), но парень молчал. На Одине Пошта обогнал бы его, да и так обгонял – человеку с его дыхательной системой сорокаградусная жара крымского полдня давалась тяжело. А еще костюм прорезиненный. Сдохнет ведь.

– Там, за пещерным городом, ну, монастырским, речка есть и карьеры, – попробовал приободрить его Пошта. – Отдохнем немного. Там деревья, тенек. Я тебе косям водой полью.

– Сколько нам до той речки идти?

– Километров восемь всего. За два часа дойдем. Ясно-понятно?

Сам Пошта на Одине добрался бы гораздо быстрее, но даже со слабым человеком «на прицепе» путь этот не казался сложным. Подумаешь – пара часов! Зато потом можно будет, действительно, в реке искупаться. Черная река, когда-то питавшая водой весь Инкерман, осталась относительно чистой. Не то чтобы пить можно... Но искупаться – вполне себе. Поште, естественно, не Зубочистке.

– А до Бахче-Сарая?

– Километров сорок...

Зубочистка прерывисто вздохнул. Видно, не давалась ему география, если даже примерно не представляет себе рассто-

нения.

– Не дойду я. Ты как хочешь, а я по дороге сдохну.

– Ну отдохнем, – откликнулся Пошта. – Привалы будем делать.

– Фильтров не хватит.

Пошта остановился и поскреб в затылке. Да, дела. Что предпринять-то, копать-колотить?! Он хлопнул себя по лбу:

– Поезд! Делаем, значит, так. Ты про поезд слышал про Летающий? Он ходит по утрам. Завтра утром на него и сядем. А переночуем в Штурмовом, там дома еще сохранились. И там есть, я знаю, небольшой тайничок с фильтрами. Так что шагай бодрей, будет тебе через два часа большой привал с водой и воздухом.

Зубочистка хмыкнул. Поште его спутник не то чтобы не нравился... скорее вызывал некоторые опасения. Люди – они такие, загадочные. Фиг разберешь, о чем думают, чего хотят. Вот Зубочистка зачем с Поштой увязался? Ясно же, какой-то свой интерес преследует. Хорошо, если и правда – мир посмотреть. То есть, Крым.

От раскаленной, потрескавшейся земли поднимался жар. Все живое попряталось кто куда, Один брел лениво, хрумкал траву с обычными, не мутировавшими, улитками. Опасности ждать было неоткуда. По расчетам Пошты, в Штурмовом они должны были быть уже после обеда. Живых там не осталось – не было в поселке убежища, но дома еще стояли. Вообще тамошние места были нехорошие, может, поэтому

клан листонош и организовал там схрон. Пугать Зубочистку историями об инкерманских мутантах Пошта не стал. Все-таки Штурмовое – не Инкерман, оттуда до бухты несколько километров.

Будем надеяться, там пусто.

На кольце повернули на Президентскую дорогу. Фиг знает, почему ее так называли – узкую, а теперь и вовсе превратившуюся в тропку. Вишня, черемуха и прочая растительность, пережившая Катаклизм и даже, кажется, воспрявшая от него, отвоевала себе дополнительное пространство. Пошта пустил вперед Одина – пусть проламывается.

Здесь было попрохладней – тень все-таки, но буйные заросли делали воздух вязким, влажным. Пахло зеленым, прелой землей и копошилось что-то по обочинам... Впрочем, дергался только Зубочистка. Пошта видел, что конь остается спокойным и полностью доверял чутью восьминогого друга.

– Погоди, – прохрипел Зубочистка, – не могу больше.

– Терпи, копать-колотить! Что, предлагаешь тебя здесь оставить? Давай, немного осталось.

Вскоре по левую руку потянулись поля, заросшие выгоревшей на солнце травой. Когда-то они были разграничены посадками – пирамидальными тополями – но высокие деревья со слабой корневой системой давно попадали.

– А вот и Штурмовое, – пробормотал Пошта.

Он здесь раньше уже был – один раз, проездом. И даже не предполагал, как мало осталось от поселка.

Несколько панельных пятиэтажек разрушились почти полностью – не выдержало массовое строительство Катаклизма. Да и частные дома сохранились далеко не все. Пошта попытался припомнить, где именно схрон. По всему выходило, что в подвале одного из древних домиков, построенных не просто до Катаклизма – до Первой мировой войны, кажется. Стены у этих домов были толстые, и даже крыши местами сохранились.

Кажется, здесь.

Железные ворота в ошметках зеленой краски, и на них знак, понятный только посвященному: Х, руна гебо, означающая «дар». Непосвященные принимали ее за первую букву известного ругательства. Открывать калитку Пошта не стал – сетчатый забор вокруг участка давно провалился внутрь, и войти в сад не представляло сложности.

Один по-прежнему вел себя спокойно.

Здесь росли абрикосы и персиковые деревья, в окнах сохранились стекла. Листоноша с Зубочисткой обогнули беленую стену и оказались перед запертой дверью.

– Ломать будем? – спросил озадаченный Зубочистка.

Пошта потянул за ручку. Дверь открылась.

Естественно. Если здесь схрон оборудовали, то запирать не станут. Ведь предназначение листонош – спасать людей... Вот Пошта и спасает. Отдельного представителя, правда, Зубочистку.

Оставив коня во дворе, Пошта зашел внутрь.

Катаклизм пощадил прихожую и три маленькие комнаты. Даже хрусталь все так же стоял в «стенке», висели занавески на окнах, пылились книги в шкафах. Это было поразительно. Настоящие бумажные книги! Пошта скользнул взглядам по корешкам. Пушкин, Тургенев, Толстые – в ассортименте. Фантастика. Осторожно потянул створку и вытащил на корешок томик с названием «Кланы Пустоши»... Книга рассыпалась у него в руках. Очарование замершего времени развеялось.

– Иди сюда, – позвал Пошта Зубочистку. – Тут прохладней.

В помещении и правда было не так жарко.

Зубочистка прошел в дальнюю комнату и со стоном повалился на кровать.

– Ну и где твои фильтры?

Вот ведь настырный тип! Листоноша одернул себя. Так. Спокойно. Злиться на него – неправильно. Обычные люди действительно страдают на открытом пространстве. И в первую очередь – от нехватки кислорода.

– Сейчас достану, – пообещал Пошта. – Ты пока отдохни.

Запас фильтров, таблеток и еды должен храниться в процинкованном сейфе. А сейф логичнее всего спрятать в подполе – в старом доме такой обязательно должен быть.

На поиски подпола Пошта потратил минут двадцать. Уже темнело – солнце садилось за холмами. Пошта открыл сейф – пароль на нем был стандартный, родной, и притащил Зу-

бочистке и фильтры, и защищенные от радиации баллоны с водой и жидкой едой, а еще – с кислородом. Правда, последний к костюму Зубочистки не подошел.

Дальние переходы – всегда проблема. Если не хочешь получить дозу радиации – раздеваться не будешь. Поэтому защищенные баллоны с водой (естественно, необходимые микроэлементы и витамины растворены в ней) и жидкой питательной смесью (отвратительно на вкус, но можно порциями вытягивать через загубник) были большой редкостью и огромной ценностью.

Местная промышленность, естественно, ничего такого предложить не могла, поэтому неофициальным девизом сталкеров Пошта искренне считал слоган «Слабоумие и отвага!»

Увидев хабар, Зубочистка приободрился. У него аж стекла противогаза запотели от возбуждения.

– Ух ты... Богато живете, листоноши!

«Это потому, что мы не убиваем друг друга, помогаем слабым и поддерживаем своих». Пошта ничего не стал говорить вслух. Стемнело, он закрыл дверь и задернул шторы. Сам перекусил сухпайком, найденным все в том же сейфе. Один остался во дворе – охранять.

Зубочистка булькал – ел и пил, надо полагать. Как устроена в его костюме система жизнеобеспечения и куда деваются, так сказать, отходы, Пошта предпочитал не думать. А то мало ли, что там булькает. Не знаешь – спокойней спишь.

События последних суток утомили даже выносливого листоношу. Он улегся на скрипучую кровать, пахнущую гнилым бельем, закрыл глаза и попытался заснуть. Это почти удалось. Замелькали перед внутренним взором бледные морлоки, цокнули по асфальту копыта Одина, далекий голос Батона запел про капитана...

* * *

...дикий ор раздался снаружи.

Листоношу подбросило, он сел рывком, уставился на севшего Зубочистку.

– Ты слышал? – оставалась надежда, что ему пригрезилось.

– Ч... Что это?!

Крик повторился: исполненный удали молодецкой нечленораздельный крик. Кричавший явно был не просто животным. Ему ответили: в темноте зазвучало визгливое уханье, отдаленно напоминающее смех.

Копать-колотить!

Уханье, гуканье, довольное похрюкивание приближались. У Пошты волосы на голове встали дыбом. Он вспомнил про мутантов Инкермана.

Давно, еще до Катаклизма, Инкерман славился не только своими винами, но и наркоманами. Кололись первентином

все – от малых детей до «глубоких стариков» – сорокалетних мужчин и женщин. Квартиры в районе стоили копейки и покупали их только приезжие. Туристы, свернувшие в зеленые дворы, сидели на глазах. По ночам в Инкермане было откровенно опасно.

Кто знает, что произошло с поколениями наркоманов после Катаклизма?

В общем, они мутировали. Так гласила официальная версия.

Внешне мутанты еще сохраняли признаки людей: две руки (обычно), две ноги, одна голова. Но вот только...

– Жаааа... жапааа... хла! Вессс... вессс... – Начал было мутант, но сбился. И попробовал заново: – А-кая осссень угерях...

Его тоскливому вою вторили.

– Это что?! – повторил Зубочистка, и в голосе его явно послышалась паника.

– Аборигенная фауна, – вздохнул Пошта. – Слышишь, поют? Это у них, типа, свадебные игрища, копать-колотить. «Какая осень в лагерях, какая осень!».

– И что делать?

– Тихо сидеть.

Заржал Один. Пошта выматерился про себя и потянулся за дробовиком. Зубочистка взял свой «калаш». Вопли аборигенов прекратились.

Пошта встал и скользнул к окну, отодвинул штору, выгля-

нул.

Убывающая луна освещала двор и покатый лысый холм за ним. Под абрикосой топталось человек... пардон, мутантов, пять. Сутулые, с длинными руками, узкоплечие. Головы маленькие, этакие микроцефальчики, а не обычные хомо сапиенс. Походка характерная – покачивающаяся. И движения характерные: навязчивые, повторяющиеся, дерганные.

Мутанты переглядывались.

Поняли, что в доме люди или нет? Пошта оглянулся на Зубочистку и прижал палец к губам: молчи. Зубочистка кивнул.

Один не выдержал – заржал снова, предупреждая хозяина об опасности. Ну, спасибо тебе, друг! Мутанты оживились и двинулись к дому, все так же покачиваясь. Кажется, там были особи обоего пола. Ну да ладно, не до джентельменства. Пошта размахнулся дробовиком, высадил стекло и, быстро пристроив ствол на подоконник, выстрелил.

Шедший впереди мутант упал, его товарищи дружно присели и завопили.

По левую руку от листоноши активизировался Зубочистка: тоже выбил стекло.

– Не стреляй. Вдруг уйдут.

Ага, ушли они, как же! Осознать неведомую опасность мутантам мозгов не хватало. Они кинулись к дому, завывая. У Пошты нехорошо засосало под ложечкой. Во-первых, патронов не сказать, чтобы много. Во-вторых, кажется, из цен-

тра поселка к мутантам спешила подмога – по крайней мере, на улице стало не просто шумно, а очень шумно.

Один надежно охранял входную дверь, но окна...

Пошта выстрелил снова. Готово – еще один. Остальные, правда, на потерю товарища даже внимания не обратили. Открыл огонь Зубочистка – одиночными, прицельно. Через минуту пятеро нападавших были мертвы.

Но худшие предположения Пошты начали оправдываться: толпа валила к дому.

Копать-колотить... Что делать-то? В подвале закрываться, разве что. Есть, конечно, одна граната, но такую толпу ею не остановишь.

– Влип! – простонал Зубочистка. – Спокойное, говоришь, место? Привал, говоришь? Провалиться тебе на месте, Листоноша! Гори оно все...

– Стоп. Ясно-понятно.

Быстро – объяснять не было времени – Пошта выхватил гранату, цапнул кислородный баллон... чем бы прикрутить? Оторвал от ветхой простыни лоскут. Зубочистка наблюдал на манипуляциями молча.

– Держи оборону! – приказал ему Пошта.

Балаклавец понял, начал стрелять.

Быстрее, быстрее же! Пальцы не слушались, но Поште в конце-концов удалось прикрутить гранату к баллону с кислородом. Выдернул чеку, крикнул:

– Ложись! – и швырнул конструкцию в окно, прямо в тол-

пу мутантов.

Они с Зубочисткой едва успели упасть и закрыть головы руками – жахнуло. Не просто жахнуло, как от гранаты, а в разы сильнее. Стало светло – даже мордой вниз, с закрытыми глазами. По спине прокатилась волна жара и что-то стукнуло между лопаток. Один не просто заржал – заорал, перекрывая звон в ушах.

Пошта аккуратно поднялся, вытер сочившуюся из носа кровь. Перед глазами все плыло. Зубочистка валялся без движения – контузило его. За окном – все стекла повыбивало – полыхало.

Горели абрикосы и персиковые деревья, пылала трава на холме. Но главное – мутанты поджаривались за компанию с растениями. И никто уже никуда не бежал и ни на кого не нападал.

Пошта огляделся в поисках того, что ударило его по спине. Это оказалась оторванная голова: маленькая, лысая, с узкими закатившимися глазками. Из беззубого рта вывалился длинный язык. Интересно, почему мутанты напали? Они вряд ли каннибалы, нечем им мясо жевать. Скорее всего, просто реакция на чужаков, на не таких, на членов другой стаи.

Если задуматься: всегда так было, что до Катаклизма, что в наши времена.

Пошта пнул голову в угол. Она откатилась, оставив кровавый след.

Зашевелился, попытался подняться на четвереньки Зубочистка.

– В-все?

– Ну да, копать-колотить, все поджарились. Думаю, больше сюда никто не придет. Они же, как звери, шума и огня должны бояться.

Листоноша помог спутнику улечься на кровать, а сам вышел проведать Одина – бедный конь натерпелся за этот вечер и нервничал. Успокоить его удалось только с помощью припасенного кусочка сахара. Пошта стоял рядом со своим восьминогим другом и смотрел на звезды, плохо видимые из-за поднимающегося к небу дыма. Не загорелся бы дом. Впрочем, вряд ли. Нечему на подступах гореть.

На всякий случай он все-таки обошел здание. Во дворе уже отпыхало, только трупы мутантов дымились, распространяя сладковатый запах жареного мяса.

С рассветом предстояло выдвигаться в сторону Инкермана, чтобы не пропустить поезд.

* * *

– Да, – потрясенно проговорил Зубочистка. – Такую махину разве пропустишь! Странно, что я раньше о нем не слышал.

Он стоял слева от Одина, держась за стремя, и дышал тяжело и сипло. Фильтры его противогаза были, что называется

ся, на последнем издыхании. Если бы не поезд, показавшийся на горизонте, Зубочистке оставалось бы лечь и умереть прямо здесь, в двух километрах от Инкермана.

– Летучий Поезд, – сказал Пошта, пробуя слова на вкус. – Легендарный и непобедимый.

Летучий Поезд поражал воображение своими размерами и очертаниями. Он и на поезд походил мало, а напоминал скорее огромного сверкающего дракона, который вместо того, чтобы парить в пронзительно голубом крымском небе, почему-то полз неспешно по ржавым рельсам заброшенной узкоколейки, приближаясь к станции Инкерман.

По мере того, как Пошта и спотыкающийся от усталости Зубочистка подобрались поближе к поезду, стало возможным разглядеть его конструкцию. Поезд являл собой нагромождение вагонов, цистерн и платформ, с обеих сторон окруженное тепловозами ДМ62-1727, установленных на шасси от ракетной установки «Ураган». Все эта крепость на колесах (она и в рельсах-то не нуждалась, а по узкоколейке курсировала исключительно ради инфраструктуры станций и вокзалов, где удобнее было принимать пассажиров и грузы) приводилась в движение вездеходом «Харьковчанка-2», переоборудованным с бессмысленного в условиях отсутствия солярки дизеля на электромотор.

Электромотор же питался халявной солнечной энергией, черпаемой при помощи гигантских солнечных батарей – именно из-за этих сверкающих пластин Поезд и прозвали

Летучим. Пластины действительно напоминали крылья дракона, но вот летать Поезд пока не мог.

– Круто, – оценил Зубочистка. – Вот это технология! Не то что твоя кобыла!

Пошта обиделся:

– Это, дружище, не кобыла, а жеребец. Боевой конь Один, который мне жизнь спасал даже чаще, чем я – тебе. А вот та груда железа – кое-как склепанный металлолом, доживающий свой век. Потому что ни запчастей к нему уже не производят, ни людей, умеющих такое ремонтировать. Он катается, пока не сломается. А лошади – они, знаешь ли, склонны к самовоспроизводству.

– Ну-ну, – подначил его Зубочистка. Когда угроза неминуемой смерти от лучевой болезни отступила, парнишка повеселел. – Понимаю. Лошади – они как женщины, и даже лучше, потому что молчат.

– Вот именно, – кивнул Пошта, а Один неодобрительно покосился на Зубочистку, и тот тут же замолк.

Подъехали к станции. На Поезд грузили свой немудреный скарб инкермановские жители, перебирающиеся в поисках лучшей жизни в Бахче-Сарай. В оцеплении Поезда стояла целая армия – в новехоньких комбинезонах и противогазах, с автоматами, пулеметами и даже парочкой огнеметов, весьма нелишних, если вспомнить о стадах инкермановских мутантов.

– Охрана каравана, – прокомментировал Пошта. – Все по-

взрослому, молодцы!

Он спешился, подошел к ближайшему охраннику и спросил:

– Кто тут главный?

– А тебе зачем? – рявкнул тот из-под маски.

– Денег хочу заплатить, – удивился Пошта. – За проезд. Два билета для меня и моего друга – и место в теплушке для коня. До Бахче-Сарая. В один конец.

Охранник Поезда сверкнул линзами противогаза и махнул рукой в сторону вездехода. Пошта, ведя Одина в поводу, пошел в указанном направлении. Зубочистка, сипя фильтрами, последовал за ним.

Начальник поезда сидел в плетеном кресле у гусеницы могучего вездехода и потягивал что-то через трубочку, ведущую из-под маски противогаза в заплечный мешок со смешным названием «кэмелбэк» – «верблюжий горб». Судя по настроению начальника, в мешке была вовсе не вода.

– Мутант? – поинтересовался он первым делом, оглядев Пошту с головы до ног.

– Нет.

– А почему без противогаза? И что за тварь о восьми ногах с тобой?

– Это, – представил Пошта, – мой боевой конь Один. А я – не мутант, а член клана листонош. Звать меня Пошта.

– Листоноша! – расцвел начальник. – Люблю листонош! Хорошие клиенты! Оптовые перевозки! Регулярно! Пошли

внутри, нормально выпьем, надоело сосать через трубочку! И конюха своего хрипатого возьми!

У Зубочистки не осталось даже сил обидеться на «конюха». По приставной лесенке Пошта и Зубочистка поднялись в шлюзовую камеру вездехода «Харьковчанка-2», где их обработали дезинфектантом, сняли химзащиту и прошли в салон.

Салон поражал роскошью. Кожаные диваны, деревянная мебель, персидские ковры на полу и на стенах, ваза с фруктами на столе (натуральными, не пластмассовыми!), и штук пять пластиковых планшетов на стенах – самых настоящих, с надкусанным яблоком. Коллекционные образцы, предмет редкого карго-культа, распространенного в племенах хипстеров Симферополя.

– Меня зовут Буйен, – представился начальник поезда, сняв противогаз.

Был он высок, худощав, седоволос и изрядно пьян. Глазки масляно поблескивали.

– Всегда рад видеть листоношу! Славное дело вы делаете, парни, рад, очень рад знакомству!

– Взаимно, – кивнул Пошта. – Нам с товарищем и конем надо попасть в Бахче-Сарай. Возьмете?

– Возьму, конечно. С товарища возьму пятьдесят купонов, с коня – сорок. Листоношам у нас скидка, двадцать пять. Багажа нет? Нет. Значит, сто пятнадцать купонов. И только наличкой, чеки и расписки не принимаем, – расплылся в до-

вольной улыбке Буйен.

Это было чистой воды обдиралово, билеты на Летучий Поезд никогда не стоили так дорого. Видимо, Буйен понял, что клиенты в отчаянном положении.

– У нас нет таких денег, – мрачно буркнул Зубочистка. – В охрану возьмете? В счет оплаты проезда.

– Охрана у нас укомплектована, – быстро ответил Буйен.

– Спокойно, – сказал Пошта. – Я заплачу.

На глазах изумленного Зубочистки он вытащил из сапога тугой сверток, развязал веревку и вытряхнул пачку купонов.

– Здесь сто, – сказал он. – Остальное получите в Бахче-Сарае. Листоноши не обманывают.

– Согласен, – кивнул Буйен. – Отправляемся через полчаса. Стоянка на всю ночь, завтра к обеду будем в Бахче-Сарае.

– А чего ночью-то стоим? – обиженно уточнил Зубочистка. – За такие деньжищи можно и побыстрее довести.

– Потому что ночью солнца нет, юноша, – назидательно ответил Буйен. – А Летучий Поезд ездит на солнечных батареях. И каждую ночь становится на стоянку.

– А бандиты горные не нападут? – нахмурился Зубочистка.

– А пускай попробуют, – беспечно улыбнулся Буйен.

* * *

К закату Летучий Поезд добрался до станции Верхнесадо-

вая, укрытой среди холмов и виноградников Крыма. Станция была давно заброшена, виноградники заросли бурьяном и чертополохом, в руинах домов рыскали крысы и ящерицы.

Летучий Поезд, постепенно замедляя ход, въехал в расщелину между двух холмов и остановился, выдохнув гидравликой, будто усталый зверь. От корпуса «Харьковчанки» полыхало жаром – раскаленный безжалостным солнцем снаружи и работающим мотором изнутри вездеход теперь остывал, потрескивая и пощелкивая всеми своими металлическими сочленениями. С траков мощных гусениц осыпался песок.

Охранники каравана выставили дозоры по периметру стоянки, натянули растяжки, установили мины-ловушки, сигнальные ракеты. Из быстро сгущающейся темноты доносилось потрескивание раций при переключке постов.

Главный костер разбили возле тепловоза. Сложили колодезцем кривые сучковатые бревна, набросали хвороста, и вскоре запылало веселое пламя, полетели искры в темно-синее небо, и подтянулись к костру пассажиры поезда. Были тут и купцы, и кочевники, сталкеры-бродяги, работоторговцы, и даже спекулянты редкими вещами, сразу предлагавшие купить по дешевке гадальные карты таро и форекса, и выводящие радиацию таблетки гербалайфа.

– Шарлатаны, – прокомментировал Пошта.

– Ну почему, – возразил Зубочистка. – А БАДы? Я БАДы пил. От нуклидов помогают. Печень, опять же.

– Что – печень?

– Тренируют. Их же на спирту разводить надо...

Посмеялись негромко, потом кто-то из сталкеров подсел поближе к огню, вытащил гитару и начал брэнчать. Остальные сталкеры затянули меланхоличную песню.

– В сталкеры, что ли, податься? – задумчиво сказал Зубочистка. – Романтика, опасность. Хабар, опять же.

– Нету там хабара, – сказал Пошта. – Все украдено до нас. Нынешние сталкеры – старым не чета. Старые, кто первыми успел, себе бункеры в Новом Мире отгрохали, а эти так, объедки подбирают. Ползают, как проклятые, в радиоактивном дерьме, а профита – ноль целых ноль десятых...

– Да, это не выход, – вздохнул Пошта.

– Будущее – за транспортными перевозками, – пьяно объявил незаметно подошедший Буйен. – Развитие дороги и путей сообщения. Паромы, каботажное судоходство. Почтовое сообщение, опять же, – кивнул он в сторону листоноши.

Зубочистка поморщился.

– Ну и кому оно надо? – спросил он. – Выживших все меньше. Общины вымирают. Мутантов все больше. Бардак на острове, безвластие, за продовольствие войны ведутся, а вы – пути сообщения. Порядок надо сначала навести...

– Без связи нет порядка, – сказал Пошта. – Это я тебе как листоноша говорю.

Первый выстрел был похож на щелчок пальцами. Брэнчавший на гитаре сталкер вдруг замолк, дернулся странно и

завалился лицом в костер. Сухо затрещала, вспыхивая, гитара. Никто даже не понял, что произошло, когда щелчок повторился, и упал уже один из охранников каравана, выронив автомат.

– Снайпер! – заорал Пошта, бросаясь на землю.

И словно в ответ на его вопль глухо ахнула мина-растяжка, после чего в небе долбанула ярко-зеленая сигнальная ракета.

– Налет! – закричал Буйен. – В ружье! Это налет!

Паника вспыхнула так же мгновенно, как упавшая в костер гитара. Люди заметались, задержались, забегали беспорядочно, кто-то с кем-то сцепился, кто-то истошно заголосил. А невидимый снайпер продолжал снимать охранников одного за другим.

«Он нас прекрасно видит на фоне костра, – понял Пошта, – а мы его – нет».

Листоноша подполз к полевой кухне, схватил десятилитровое пластиковое ведро с водой и в прыжке выплеснул содержимое в огонь. Окончательно пламя не погасло, но большую часть все-таки удалось сбить. Что было хорошо, так это то, что мокрые дрова мигом начали чадить, испуская серый сырой дым, заволакивающий окрестности поезда и паникующих людей.

Дымовая завеса – лучшая защита от снайпера.

Тем временем Буйен привел в чувство своих бойцов, и те организовали сопротивление. Охрана поезда делилась на

звенья из пяти человек – два штурмовика, один пулеметчик, один медик (он же связист) и командир (он же гранатометчик). Три таких звена залегли на границе света и тьмы у подножия холмов, еще два пробрались под вагонами на другую сторону поезда.

Незадействованные в обороне охранники пинками и матом гнали взбесившееся людское стадо обратно в вагоны, под защиту бронированных стен.

Пулеметы охранников – РПК и один М60 – были заряжены правильно, для ночного боя, каждый третий патрон – с трассирующей пулей. Поэтому когда охранники открыли огонь на подавление, ночь расцвела сполохами трассеров и отсветами взрывов.

Кто бы не штурмовал поезд, делал он это массивированной атакой со всех направлений. Первый рубеж – сигнальные ракеты – нападающие прошли быстро и почти без остановок. Мины-ловушки чуть задержали и проредили их ряды. А потом началась окопная война, в которой, как знал Пошта, обороняющиеся проигрывают всегда, как бы ловко и профессионально они ни действовали.

Но тут Буйен приготовил нападающим сюрприз. Когда последние штатские скрылись внутри поезда, а сталкеры-волонтеры примкнули к охранникам, поддерживая их огнем из разномастных стволов (от дробовиков и «макаровых» – до «таворов» и «глоков»), Буйен приказал сдернуть брезент с центральной платформы поезда.

Под брезентом обнаружился миномет 2С4 «Тюльпан» – уже не самоходный, но все еще грозный, способный превратить в огненный хаос любую цель на расстоянии до двадцати километров.

– Ну все, – проорал сквозь пальбу Пошта. – Трындец им! Сейчас их в мелкую труху, копать-колотить!

Ошалевший Зубочистка завращал глазами, глядя куда-то за плечо Пошты.

Листоноша обернулся. В эту секунду выпалил миномет. Звуковая волна ударила по ушам, отозвалась звоном в черепе. «Надо было открыть рот, – машинально вспомнил пришибленный Пошта, – чтобы уравновесить давление в черепе»...

В ушах свистело – то ли от контузии, то ли мина, выпущенная «Тюльпаном», стремительно падала на цель. «Интересно, чем они стреляют? – все еще заторможенно подумал Пошта. – Фугас? Разрывная? Умная мина “Смельчак” с лазерным наведением? Атомная мина? Хотя нет, вряд ли, откуда у них...»

Мысли были медленные и вязкие. Среди холмов что-то вспыхнуло ослепительно белым, как горящий фосфор, и опять ударило по голове. Контузия. Или?..

Пошта обернулся, едва не потеряв равновесие.

Нет, это не контузия! Не звук и не ударная волна! Это Зубочистка!

Гаденыш! Предатель! Балаклавец, ухватив свой древний

«калаш» за ствол, как дубину, лупил Пошту по голове – любой нормальный человек уже давно вырубился бы или подох с проломленным черепом, а листоноша принял удары за звуковую контузию.

«Воистину, были бы мозги – было б сотрясение», – подумал Пошта, вскидывая руку и перехватывая опускающийся «калаш» на лету.

Зубочистка, не будь дурак, тут же выпустил автомат и очень грамотно пробил двойку в челюсть. У Пошты дернулась голова, перед глазами поплыли цветные круги.

Зубочистка поднырнул под ответный удар (скорее отмашку) отобраным автоматом, пробил по печени и рубанул по затылку.

Тут уже листоноша все-таки упал. Как-то многовато оказалось воздействий на мозжечок и гипоталамус. Сознания Пошта не потерял, но пошевелиться не мог и видел все, как через мутное стекло.

Куда-то бежали люди, стреляя на ходу, – охрана поезда, сметая нападавших двумя залпами из «Тюльпана», перешла в наступление. Кто-то стрелял трассерами, кто-то раскидывал дымовухи. Тренькали на излете пули, отскакивая от бронированных бортов поезда.

А над листоношей возвышался Зубочистка, тяжело дыша: – Ох и живучий же ты, гад... – просипел он. – Листоноша! Куда перфокарту дел?

Ответить Пошта не мог.

Зубочистка нагнулся и принялся обшаривать карманы листоноши. Все ценное тут же переключивалось к грабителю, все непонятное – оказывалось выброшенным на землю. В голове у Пошты бил чугунный колокол. Тело было чужим, ватыным. В сознании он оставался лишь невероятным усилием воли.

– Ага! – торжествующе выкрикнул Зубочистка. – Вот она!

Он победоносно взмахнул перфокартой с кодом доступа к спутнику связи – единственным трофеем листоноши из штольни. И словно в ответ на этот взмах раздался несильный взрыв – ракета из РПГ нападавших угодила точно в гусеницу вездехода «Харьковчанка-2».

Кумулятивный заряд перебил трак, в одно мгновение обездвижив Летучий Поезд.

Тактического преимущества нападающим это не давало – атака все равно уже была отбита, и, скорее, выстрел из РПГ был чем-то вроде прощального подарка – пакость на дорожку, мол, никуда вы теперь не уедете.

Охранники поезда ответили яростным огнем из всех стволов, обратив нападающих в бегство.

Зубочистка, осознав, что бой вот-вот закончится, заозирался, вытащил из сапога нож и склонился на Поштой:

– Ну, прощай, листоноша, – процедил он. – Спасибо, что помог выбраться из штольни. Не поминай лихом.

Клинок взлетел вверх в стремительном замахе. Одно движение – и он перережет Поште горло, трахею и сонные арте-

рии. А с такими повреждениями даже листоноше не выжить.

Сухо треснул выстрел. Пуля попала Зубочистке в бронжилет и усадила балаклавца на задницу – в прямом смысле, он как стоял – так и сел, выпучив глаза и судорожно пытаясь вдохнуть.

– Это что за дела? – строго спросил Буйен, не отводя от Зубочистки ствол «стечкина». – Ты чего это своих режешь, гнида? Или ты – наводчик? Казачок засланный? Ну-ка, рассказывай, кто тебя послал! На горных бандитов работаешь?!

Зубочистка наконец-то преодолел последствия попадания девятимиллиметровой пули в район солнечного сплетения и смог вдохнуть.

– Это не я! Не я! Это он! – плаксиво завопил мерзавец. – Это все листоноша! Он бандитов навел! Поезд в ловушку заманил!

– Ты говори-говори, да не заговаривайся! – оборвал его Буйен. – Поезд по стандартному маршруту шел!

«Перфокарта, – подумал Пошта. – Он все это затеял ради перфокарты»...

Но вслух произнести ничего не получилось.

– Так, хватит мне мозги пудрить, – начал терять терпение Буйен. – Выкладывай все, как на духу. А то пристрелю, как собаку!

Зубочистка весьма натурально зарыдал, затрясся в истерике – и метнул в Буйена горсть пепла из погасшего костра. Буйен выматерился, выстрелил из «стечкина» – но было уже

поздно: юркий, как ящерица, балаклавец нырнул под вагон, перекатился и стремглав побежал руинам деревни.

– Вот гаденыш! – выругался Буйен. – И ведь не догонишь, наверняка там его дружки засели. Ты как, листоноша, живой?

Пошта не смог ответить.

Буйен отряхнул с себя пепел, убрал пистолет в кобуру и помог листоноше сесть. Это оказалось ошибкой – голова у Пошты закружилась, его затошнило.

«Все-таки сотрясение», – резюмировал для себя Пошта.

– Точно, наводчик, – говорил тем временем Буйен. Слова долетали до листоноши гулко, как из бочки. – Горные бандиты. База у них в Севасте. Туда он, голубчик, и подался. Хрен его теперь найдешь. Чего он тебе-то горло собрался резать, а? Чего не поделили? Эй! Эй! Листоноша, ты живой?

Но тут Пошта все-таки потерял сознание.

Глава 3

Плавучий город

Прощаясь с Буйеном и его людьми, листоноша клятвенно пообещал вернуть оставшиеся за проезд деньги при первом же удобном случае. В ответ хозяин сухопутного корабля лишь махнул рукой и пожелал Поште «счастливой охоты на поганого мерзавца».

Пошта выехал, когда рассвело, – по ночному Крыму передвигаться решился бы только самоубийца. К тому же очутился он далеко не сразу, а сесть на коня и вовсе смог через несколько часов. Голова гудела знатно – будто пустой горшок, по которому стучали палкой. Ритмично так стучали. Восемью палками.

На самом деле Один бежал по сухой, твердой земле. И каждый его шаг, каждый рывок вверх-вниз, отдавался в несчастной черепушке Пошты гулкой болью. Это надо же! Копать-колотить, надо же было так попасться!

Было обидно, не столько за перфокарту даже, сколько за обманутое доверие. Листоноши часто попадали в неприятные ситуации, они казались бандитам легкой и удобной добычей (бандиты ошибались, но узнавали об этом перед самой смертью), но так ошибиться в человеке – это надо было уметь.

Головная боль усилилась настолько, что Пошта застонал сквозь зубы. Один на бегу обернулся, скосил карий глаз на хозяина.

По сторонам дороги мелькали густо поросшие зеленью холмы. Скорость Один развил, мягко говоря, приличную – как бы не быстрее Летучего Поезда. Листоноша потянулся в седельную сумку, достал бутылъ с водой и отхлебнул.

На картах Севастополь значился необитаемым: город сильно пострадал во время Катаклизма. Все-таки там базировался флот, вот и досталось городу-герою. Пошта там ни разу не был, предпочитал обходить стороной. Узкая бухта глубоко врезалась в берег, деля Севастополь на две части, до Катаклизма местные пользовались паромом, чтобы не объезжать по берегу. Листоноша въехал в город с севера.

* * *

Севастополь отличался от Ялты или какого-нибудь Гурзуфа. Большой по крымским меркам город с развитой инфраструктурой, окруженный невысокими холмами – настоящие горы начинались далеко за городской чертой – некогда, наверное, зеленый и яркий, как и положено южному городу. Сейчас он лежал в руинах.

От зданий практически ничего не осталось, платаны сгорели или сгнили, улицы были засыпаны обломками кирпича и бетонных плит. Будь у Одина четыре ноги – пришлось бы

нелегко, но восемь шипованных копыт выручали.

Ну и куда теперь?

Пошта заставил Одина остановиться и сверился с картой – старой, сделанной еще до Катаклизма. На ней были указаны улицы. М-да. Сильно поможет...

Пошта втянул носом воздух. Пахло морем. Впрочем, здесь повсюду пахло морем. И даже не поймешь, в какой оно стороне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.